ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 11 ФЕВРАЛЯ 1932 г. № 7 (176)

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

I страница
А. ФАДЕЕВ—Об одном споре всемирно-исторического значения
В. Луговской—Чапей—стихотворение
ПОДГОТОВКА К XV-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

II страница
О романе Дж. Дос Пассоса «42-я параллель» - статья И. Залинского
Конференция героев «Разбега» в станице Васюринской
Дискуссия об очерке Ю. Либединского «Лето Гордюшенко»

III страница
К ПЛЕНУМУ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ЛОКАФ: статья Л. Дегтярева; статья Л. Субоцкого о книге Н. Свирина «Литература и война»

IV страница
«Пятый горизонт» в Театре Вахтангова статья Ю. Юзовского

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Н. Асеева, А. Грудской, С. Динамова, В. Залесского, О. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Россовского, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Слонимского, М. Субоцкого, С. Тарасевича и Г. Гарлана.

А. Фадеев

ОБ ОДНОМ СПОРЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КРИТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ РАПП 29 ЯНВАРЯ 1932 ГОДА

Товарищи, работа нашего критического совещания заканчивается накануне всесоюзной партийной конференции, которая будет подводить итог тому, как рабочий класс Союза социалистических республик, ведущий за собой миллионы крестьян-колхозников под руководством партии и ее ЦК, победоносно завершает первую социалистическую пятилетку в четыре года. Центральным документом, которым будет заниматься предстоящая всесоюзная конференция, являются директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР, утвержденные в основном Политбюро ЦК — документ потрясающей силы по соединению в нем огромного революционного пафоса и подлинной деловитости.

В этом документе поставлены такие задания для нашей страны, для рабочего класса, о которых ни один подлинный большевик, ни один пролетарский революционер не может читать без волнения, ибо в этом документе говорится, что «важнейшим итогом социалистического строительства первой пятилетки является окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предопределивший полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов. **Завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что ленинский вопрос «кто кого» решен против капитализма в пользу социализма полностью и бесповоротно и в городе и в деревне».**

В этом документе имеется ряд мест, которые имеют прямое, непосредственное отношение к тому делу, которым мы занимаемся — к вопросам культуры, к вопросам искусства и художественной литературы.

«Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и **преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».**

И еще: «Новые успехи социализма рабочий класс обеспечит лишь в борьбе с остатками капитализма, давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, **преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя настойчивую работу по социалистическому их перевоспитанию».**

В осуществлении этих задач, которые мы ставим себе на пороге второй пятилетки, огромное место принадлежит пролетарскому искусству, пролетарской художественной литературе. И поэтому накануне всесоюзной конференции о пролетарском искусстве хочется говорить таким же языком, каким говорит этот документ — простыми, мужественными, могучими словами, словами коммунистического манифеста, словами Ленина, Сталина. Пора научиться нам так говорить о нашем пролетарском искусстве. Мы вышли уже как художники на арену мировой борьбы рабочего класса. Мы вступили в «спор» всемирно-исторического значения с международной буржуазией и ее приспешниками, «спор», основа которого состоит в том, создаст ли рабочий класс, возглавляемый коммунистической партией, создадим ли мы, коммунисты, настоящую социалистическую художественную литературу всемирного значения, сумеем ли мы создать ее.

Почитайте-ка, что пишет сейчас по вопросу о пролетарском искусстве, о пролетарской литературе буржуазная капиталистическая пресса, белогвардейские газеты (частично об этом рассказывал тов. Ермилов), и вы увидите, что этот основной «спор», создадим или нет (причем буржуазия, конечно, думает, что не создадим, не сможем создать, хотя некоторые элементы ее под нашим натиском отступают и вынуждены признать, что мы уже создаем), этот «спор» является центральным и основным «спором» по вопросам искусства, который мы, пролетарская литература, ведем с международной буржуазией.

Мы часто говорим — и правильно говорим — об отставании нашей литературы от задач социалистического строительства, о том, что мы как большевики должны все силы употребить на то, чтобы преодолеть это отставание. Но, товарищи, говоря об отставании, не нужно забывать весь всемирно-исторический масштаб борьбы и, подводя накануне второй пятилетки итог тому, что создала наша пролетарская литература, ясно видеть огромные небывалые достижения ее.

Наш «спор» с буржуазией приобрел мировое значение не только потому, что наши отряды пролетарских художников и в Германии, и в Америке, и в Англии, и во Франции борются за новое пролетарское искусство и выдвигают нашу марксистскую теорию, которой мы руководствуемся, но и потому, что наша пролетарская художественная литература Союза советских республик уже давно стала **мировой** пролетарской литературой. Ведь если мы сейчас подведем итоги тому, что создал пролетариат ко второй пятилетке, то мы увидим, что, не говоря уже о последних произведениях Горького, такие произведения, как «Неделя» и «Комиссары» Либединского, «Мятеж» и «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Цемент» Гладкова, «Разгром» Фадеева, «Бруски» Панферова, «Тихий Дон» Шолохова, «Тиса горит» Бела Иллеша, целый ряд произведений Демьяна Бедного, Безыменского, Чумандрина, также Киршона и т. д. — они уже переведены более чем на десятки языков. Они переведены и вышли в самых крупнейших странах Европы и в Америке. Многие из этих произведений переведены на языки — китайский, японский, монгольский; у нас, внутри СССР, есть издания их на таджикском языке, а за границей можно встретить многие наши произведения, переведенные на языки Средней Европы, балканских стран и т. д. По поводу этих произведений написано немало злобного и ядовитого, но немало почтительного и признающего в мировой буржуазной прессе. Эти произведения явились знаменем борьбы для коммунистического, революционного авангарда всех стран.

Если в свете этого всемирно-исторического «спора» мы посмотрим на дискуссии последних пяти-шести лет, которые мы вели здесь в СССР по вопросам искусства, **мы убедимся, что эти дискуссии — отсветы, зарницы того основного «спора», который мы, пролетариат, создавая новое искусство и литературу, ведем с буржуазией в мировом масштабе.** В этих спорах мы боролись в основном за создание пролетарским подлинной, могучей, великой, социалистической литературы рабочего класса, против агентуры международного капитализма в наших рядах, против капитулянтов и ликвидаторов пролетарского искусства справа и слева.

Вдумайтесь, например, в «теорию» Троцкого. Что представляла собой «теория» Троцкого, этого всемирно-известного поганого контрреволюционера?

Троцкий фактически призывал к художественному разоружению пролетариата перед буржуазией. И последователи его — Воронский, Полонский, Горбов на брюхе ползали перед старой буржуазной литературой. Они добивались с ее помощью, чтобы художественно разоружить пролетариат перед лицом классового врага.

Лефовщина, литфронтовщина — эти пытались ликвидировать наше пролетарское искусство и пролетарскую литературу «слева». Они тоже не верили в возможность создания пролетариатом большой литературы.

Пишите только очерки, дневнички, пишите быстрее!

Вот два «полюса». И оба они смыкаются в масштабе всей борьбы как течения, пытающиеся ликвидировать наше искусство, разоружить пролетариат художественно перед лицом классового врага. В этом заключался основной смысл всей той борьбы, которую мы, рапповцы, тогда-то напостовская группа, выдерживали в течение ряда лет под руководством и при поддержке партии со всеми этими враждебными отклонениями. Именно мы, рапповцы, поставили (как основные наши творческие лозунги) лозунги создания великой социалистической литературы рабочего класса. И мы отстояли их в борьбе с капитулянтами и ликвидаторами всех мастей.

Сейчас мы стали ведущим отрядом рабочего класса в литературе. Сейчас целый ряд этих положений в их общей формулировке становится всеобщим достоянием. Партия, значительно обогатив и тысячу раз дополнив опыт напостовства и рапповского движения, сама партия уже ставит и выдвигает перед нами такой мощный лозунг, как лозунг создания Магнитостроя литературы, потому, что партия, руководимая ЦК во главе с т. Сталиным, возглавляет всемирно-историческую борьбу рабочего класса на всех ее участках.

Когда мы подходим к работам нашего критического совещания, все товарищи должны учитывать и понимать, что мы должны пересмотреть и сбросить весь груз старых ошибок рапповского движения. Нам необходимо освободиться от всех капитулянских (справа и слева), ликвидаторских, по сути меньшевистских влияний в нашем движении, влияний, которые могут, будучи продолжены, пойти на потребу врагам рабочего класса.

В чем разница тех двух постановок вопроса о наших ошибках, которые (постановки) прощупываются через все детали и мелочи споров, проходивших на совещании? Если утверждать, что прошлое рапповское движение было основано на «плехановской ортодоксии», переверзевских ошибках, ошибках меньшевиствующего идеализма и т. д., **это значит оклеветать и опорочить всю борьбу, которую вела РАПП за большое искусство, за пролетарскую литературу.** Это одна постановка вопроса. И вот другая постановка вопроса: «Нет, мы, ошибаясь, поддаваясь в тех или иных звеньях различным враждебным влияниям, **в основном двигали литературную линию партии вперед. В основном это была ленинская партийная линия, линия создания настоящего пролетарского социалистического искусства».**

Я думаю, что именно потому, что большинство из нас стоит на второй точке зрения, основа работы нашего совещания была здоровой. Здесь, при всех отдельных недоразумениях и спорах, при ошибках отдельных товарищей, мы значительно продвинули вперед дело разоблачения враждебных капитулянтских и ликвидаторских теорий, которые тянули нас назад и мешали созданию искусства пролетариата. Мне кажется, большим достоинством докладов тт. Кирпотина, Динамова и Ермилова является то, что докладчики сумели сосредоточить основной удар по врагам рабочего класса, по буржуазным вылазкам в области художественного творчества, по основным враждебным теориям и в то же время сумели дать достаточно серьезную суровую большевистскую критику ошибкам, допущенным нами. Но мало того, в докладах Кирпотина, Ермилова и Динамова (хотя Динамову это удалось меньше других), было выдвинуто новое, **положительное** в области теории, на что мы можем опереться. Это новое положительное есть **ленинское наследство,** до сих пор мало разработанное нами. Здесь некоторые посторонние, чужие нам люди (я имею в виду именно чужих людей) подходили и говорили нам: «Кирпотин говорил всем известные вещи». Ничего подобного! Во всей второй половине доклада т. Кирпотина, конечно, еще в самой беглой и общей форме, собраны высказывания Ленина, непосредственно относящиеся к вопросам искусства, на основе которых мы можем дальше двигать наше дело вперед, двигать его гораздо быстрее и шире вперед.

В вопросе хотя бы об общераспространенном положении Плеханова о том, что на основе ложной идеи не может быть создано художественное произведение. Тут многие спрашивали меня, правильно это положение или нет. Он говорит, что неправильно. По-моему, тоже неправильно. Но мы по-разному это понимаем. Почему это неправильно? Потому что здесь сказывается основной грех Плеханова: абстрактное логизирование, отсутствие диалектического подхода. Выходит, что на протяжении всей человеческой истории одни люди имели правильные, не ложные идеи, соответствующие объективной диалектике действительности, а другие не имели. Первые могли создавать художественные произведения, вторые не могли. Между тем нужно ставить вопрос о том, **на каком конкретном историческом этапе, какой класс,** на какой ступени развития выдвигает те или иные идеи. Ведь человечество на протяжении всего исторического развития, с момента возникновения частной собственности, протекающего в формах классовой борьбы, переходит на все более и более высокие ступени познания объективной действительности.

Идеи материалистов-философов XVIII столетия, подготовлявших Великую французскую революцию, сейчас являются «ложными» идеями потому, что мы продвинулись на гораздо более высокую ступень познания действительности, познания ее законов. Тогда это были наиболее передовые идеи.

Критерий художественности, который можно выдвинуть, исходя из учения Ленина, — это **степень раскрытия художником данного класса, существенных сторон данной исторической конкретной действительности.** Вспомните положение Ленина относительно возможности перехода от познания сущности явлений к познанию их все **более и более глубокой сущности.** Этот критерий замечателен тем, что он является всегда конкретным критерием, историческим критерием.

В этом отношении мы, рабочий класс, стоящий на самых передовых постах исторического развития, возглавляющий его, мы, рабочий класс, с наших высот можем наиболее правильно расценить конкретные исторические этапы развития искусства прошлого, можем в старом искусстве взять то, что является наиболее полезным для нас, наиболее плодотворным. С другой стороны, именно мы обладаем возможностью наиболее полного познания, нежели какой-либо другой класс, **существенных сторон действительности,** постижения основных [illegible] ее наиболее глубокой сущности.

Этот один пример показывает, что целый ряд канонов, которые «установлены» в области литературоведения, можно будет послать к черту, если мы по-настоящему займемся **ленинским наследством.** Заслуга т. Кирпотина заключается в том, что он все эти вопросы поставил в своем докладе.

Мы в основном подводим итоги нашего критического совещания с положительным знаком. Это не означает, что у нас прошло все удачно, все хорошо. Вы знаете, что для того чтобы двинуть вперед наше дело, мы должны изжить наследие групповщины, наследие кружковщины. О чем я говорил в своем вступительном слове, когда рассказывал о прорывах на литературном фронте? Я говорил как раз о групповщине и кружковщине как о главных виновниках прорывов. Я это говорил потому, что мы, рапповцы, сейчас сидим во многих журналах, во многих издательствах. Мы почти везде имеем своих представителей, и получается так, что когда где-либо получается прорыв, у многих рапповцев — «рыльце в пушку».

А взаимной критики у рапповцев все еще недостаточно, все еще мало ее.

Нужно находить конкретных виновников зла. Нужно их заставлять отвечать за ошибки. Без обнаружения виновников прорывов не будет ликвидирована кружковщина. Когда выяснилось, например, что «Повесть сомнений» Овалова — повесть, являющаяся троцкистской контрреволюционной клеветой на партию, была в свое время (весной 1930 г.) пропущена мной как редактором «Октября», фракция РАПП вынесла мне выговор. Фракция поступила правильно.

Я прочитал сегодня относящуюся к критическому совещанию статью в «Комсомольской правде». Я с ней не собираюсь полемизировать. Но об одном политически ошибочном месте ее я вынужден сказать. Оказывается, что, критикуя троцкистские ошибки в произведениях трех членов группы т. Панферова, мы не обеспечиваем творческую атмосферу для группы! Это выдвинуто на первый план. А критика самой «Комсомольской правдой» троцкистских ошибок указанных товарищей «задвинута» на второй план. Далее в «Комсомольской правде» была напечатана статья Овалова о «Повести сомнений», где Овалов, оклеветавший нашу партию, говорит, что он, видите ли, не сумел развить **борьбу** с троцкизмом! Довольно странная самокритика!

Нужно сказать, что в той дискуссии, которая в свое время велась между нами и «Комсомольской правдой», мы были **в основном** неправы. Мы признали это и сделали соответствующие выводы. Мы видим небывалый об'ем интереса многомиллионного комсомола к литературным делам, желание помочь нам в нашей работе. Но в этой дискуссии были примазавшиеся ликвидаторы пролетарского искусства — **Медведев и Овалов.** Почему же мы не можем, помня о тех задачах, которые стоят перед нами, напомнить об этом?

Перед нами стоит задача создания большевистского искусства, и мы здесь не можем уступить никому.

Разумеется, в нашей среде, в РАПП, найдутся люди, которые захотят использовать любую ситуацию, чтобы реваншировать, в частности, из групповых соображений — напасть на группу т. Панферова.

Таких товарищей мы должны бить по рукам. И мы сумеем сделать это не хуже, чем [illegible].

Я хочу сказать несколько слов относительно [illegible]. Основное возражение [illegible] будет т. Войтинской. У нас была все-таки формально правильная постановка вопроса. Она говорит: партия поставила вопрос относительно того, что не должно быть никаких «школ» и отдельных «руководителей» в философии, в экономике, в истории. Есть одна наша ленинская партия, одно партийное руководство. Это, конечно, верно. Но вы не забывайте, откуда и почему возникла эта постановка вопроса? Она возникла потому, что в области философии создалась «деборинская школа», школа, противопоставлявшая по своей основной линии меньшевиствующего идеализма линии партии, потому что в области экономики была «рубинщина», которая противопоставляла свою меньшевистскую, контрреволюционную линию линии партии. Была бухаринская школа приват-доцентов в «немецких студентов», которые во главе со своим учителем противопоставляли свою оппортунистическую линию линии партии. Но товарищи не должны забывать о том, что мы, рапповцы, не были особой школой, **мы среди обилия литературных групп были таким направлением или течением, которое положило в основу партийную линию, борьбу за партийную линию.** В борьбе за это мы много ошибались. Но мы при поддержке партии победили, и именно наша линия была признана наиболее близкой партии. Когда эта линия стала основной линией всего движения и была санкционирована в основном партией, которая обогатила ее, тысячу раз поправила ее и двинула ее вперед, мы стали ведущей организацией. Зачем нам оставаться «напостовцами», когда мы теперь можем по утверждении партии бороться за ее линию как ведущий партийный отряд на литературном фронте? Людей нужно проверять не по названию, не по вывеске. Нужно проверять — на основе ли партийной линии они стоят, за партию ли борются, или их работа означает борьбу с партией?

Таким образом история связи вопроса о напостовском руководстве РАПП. Но и в прошлом это была не «школа», противопоставлявшая себя линии партии, а литературное течение, боровшееся за линию партии. Это всегда нужно помнить.

Большим недостатком нашего критического совещания является то, что товарищи почти не остановились на докладе Мазнина о рабочей критике. Это недопустимое явление. Мы живем в эпоху огромного культурного подъема масс, когда миллионы рабочих и колхозных читателей сами критикуют нашу литературу. Мы, рапповцы, сидим здесь на собрании, сидят ученые ЛИЯ, и оказывается, что нам нечего сказать относительно критики нас рабочими массами, рабочим классом. Это стыдно. Выступило много ученых людей и только несколько рабочих-ударников, только некоторые товарищи из провинции говорили по этому вопросу. Можно выступать, клястьем, чем хотите, болтать, о чем хотите, но, выступая сегодня по вопросам литературы, пропустить вопрос об ударниках, призванных в литературу, о массах читателей, о критике нас читателями — это никуда не годится. Я думаю, что лучше упустить несколько цитат из какого-нибудь неопубликованного архива, но вспомнить об ударниках и о рабочем-читателе. Потому что все наше движение росло как массовое движение, потому что мы впервые (прав т. Макарьев, когда говорил, что такой организации нигде нет) создали массовую литературную организацию, вбираем в нее лучшие талантливые силы, работающие над созданием пролетарской литературы, — мы создаем новую, невиданную пролетарскую литературную среду. Как же можно было забыть об этом?

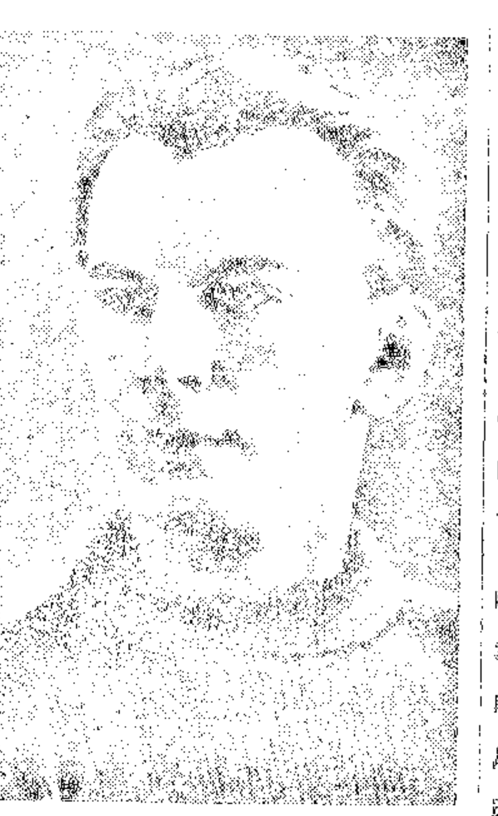
Я думаю, что при всех этих минусах наше совещание себя оправдало. Мы вели нашу работу, руководствуясь линией партии, указаниями нашей партии.

Мы извлечем все выводы, основные полезные выводы из нашего совещания и двинем наше дело вперед, к новым победам.

Владимир Луговской

Чапей

Войте собаки!
Генеральский сапог
Начищен
[illegible]
кровавой [illegible].
В подворотнях биржи
военный бог
Повышает курсы
сталелитейных акций.
Выше стаканы!
Захлебывайся!
Пой,
Лейтенантская сволочь,
за новую бойню! —
Ручьями пожаров
течет Чапей.
С треском
отскакиваются обоймы.
Горькая злоба,
поднимись!
Считай
Число крейсеров,
что из логова своих
отчалили.
Четырежды преданный
полумиллиардный Китай
Отстреливается
одинокой рукой
отчаянья.
Десантами
распороты
ребра трюмов,
Бинокли трут
адмиральи переносицы,
В горящий Шанхай
вползают
угрюмые,
Широкие палубы
миноносцев.
Войте собаки!
засохшая кровища
Липнет к подошвам
японских заводов.
Расстрелянная,
растерзанная,
нищая
Страна отдает
свою землю и воду.
Дымом и предательством
отравлен воздух,



ВЛ. ЛУГОВСКОЙ

Кварталы
полосует
очумевшая резня,
Глухо содрогаясь
плывут бомбовозы,
И Нанкин лежит
на ладони огня.
Но хлещет «Ура!»
из луженых глоток,
Генштабы
вступают
в свои права.
Сто вымпелов
американского флота
Держат курс
на Сандвичевы острова.
Их провожают
Вопли газет
попутные бризы,
Их посылает
и экстаз маклеров.
Прополоскать
великий кризис,
соленую кровь.
Эскадры
режут,
акульими бросками
Последние десятки
океанских миль.
В Шанхае
снаряды
сглаживают камень.
Форты оседают
в пламенную пыль.
Шанхай!
Враги не насытились тобою
Ты,
взятый
ударом рабочих полков.
Вставай под знамена
последнего боя —
Знамена
китайских большевиков!
Нанкин,
дважды служивший мишенью,
Дважды пылавший
до самых облаков,
Вставай под знамена
сурового мщенья —
Знамена
китайских большевиков!
Маньчжурия!
ты
прикладами расколота,
Ты висишь
на изгороди
вражеских штыков.
Вставай под знамена
восставшего голода —
Знамена
китайских большевиков!!
Отчаянье
выход себе отыщет.
Безжалостна злоба
полей и заводов.
Войте собаки!
Засохшая кровища
Липнет к подошвам
японских заводов.

ГОТОВИМСЯ К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

ШЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

XV-летие Октября будет проходить в условиях завершения первой пятилетки и вступления во вторую. Перед советским искусством стоят особенно большие задачи: литература, театр, кино, музыка, живопись должны дать своей стране к XV годовщине Октября высокохудожественные произведения, отображающие великий пройденный путь и дальнейшие перспективы социалистического строительства.

Подготовка начата. Но она идет не теми темпами и не с той активностью, какие нужны. Мы печатаем сегодня первые сводки.

О чем они говорят? Лишь ЛИЯ имеет сравнительно четкую перспективу в подготовке XV-летия. Литературные организации отстают. По линии театра продуманного плана нет, разрозненные работы похожи на «очередную кампанию». Если просмотреть планы издательств, то и тут заметно внешнее приурочивание изданий к годовщине, а не стройная система мероприятий. Явное неблагополучие на фронте кино: в результате неповоротливости между секцией сценаристов, Востоксоюзкино и Совкино сорвался конкурс на сценарий к XV годовщине, находится под угрозой выполнение [illegible] плана.

Все это происходит прежде всего потому, что [illegible] с подготовкой запоздали и при этом не умеют быстро, на ходу перестроиться, а это категорически необходимо!

Это не значит, конечно, что советское искусство не сумеет отметить октябрьскую годовщину. Перспективы литературного года, в частности, позволяют говорить о том, что мы будем иметь к XV-летию ряд новых значительных произведений.

Речь идет об устранении недочетов в подготовке. Для этого, в частности, нужно каждой организации и в каждой отрасли работы иметь четкую программу действий.

В этом плане мы и выдвигаем несколько конкретных предложений, понятно, не претендующих на охват всех вопросов. Однако они могут и должны быть использованы в общей работе.

1. Мы предлагаем организовать издание серии и просмотр нашей литературы в плане: «Люди эпохи», увязав это мероприятие с работой по показу героев.

2. «Литературная газета» берет на себя обязательство провести на своих страницах смотр литературы об Октябре и различных этапах пролетарской революции. Предлагаем включиться в этот смотр всем литературным изданиям, установив с нами связь.

3. Ленинский комсомол оказывает реальную и действенную поддержку молодежным писателям организацией смотра молодежной литературы. Мы считаем, что лучшим ответом молодежных писателей и в первую очередь основного их ядра, будет создание к XV-летию Октября произведений, популяризирующих героическую борьбу ленинского комсомола. Мы предлагаем товарищам обсудить наше предложение и взять на себя конкретные обязательства. В частности и особенно это относится к тт. Безыменскому, Жарову, Коломову, а также к творческому объединению «Молодая гвардия» и литературному объединению при «Комсомольской правде». Ждем ответа.

4. К XV-летию Октября основная масса писателей должна быть активно вовлечена в работу ЛОКАФ. Над этим должна работать каждая литературная организация. Военная тематика, вопросы обороноспособности нашей страны должны занять должное место в творчестве писателей.

5. Фронт литературоведения, помимо той общей работы, которую он проводит, должен взять на себя и такие [illegible] обязательства, как создание к XV годовщине популярного учебника по литературе, выдержанного в духе марксистско-ленинской партийности, а также основных пособий для ударников. Институту ЛИЯ совместно с РАПП необходимо немедленно выделить товарищей (бригады) для этой работы.

6. Театральная критика должна взять на себя конкретное обязательство — подытожить путь советского театра за 15 лет, в частности: как отражен на сцене герой нашей эпохи. Это — дело секции театркритиков Всероскомдрама.

Таковы наши ПЕРВЫЕ шесть предложений. В процессе дальнейшей организации подготовки мы их пополним сами, а также при помощи литературных организаций, отдельных писателей, критиков и литературоведов, которых просим слать нам свои пожелания.

Пока же нужно немедленно обсудить и начать реализацию этих первых предложений.

ВСЕГО НА-ВСЕГО ОДНО НАЗВАНИЕ

— Тематический план на 1932 г.,— сообщили нам в издательстве «Молодая гвардия»,— построен на основе подготовки к XV годовщине Октября. Помимо большого количества книг, посвященных 15-летию ВЛКСМ, будут изданы сборники **«Рабочая молодежь в Октябре» и «Пионеры и 15 лет Октябрьской революции».**

В частности, отдел художественной литературы выпускает **«Художественный сборник к XV-летию Октября»** и книгу **Я. Ильина «Силы завода».** Сектор детской литературы выпускает двадцать восемь книг **(«Февраль», «Дворец Кшесинской», «Цаги», «Союз СССР», «Октябрь», «Взятие Зимнего», «Гоэлро» и др.)** на темы Октябрьской революции.

*

Совершенно неудовлетворительное положение с подготовкой к XV годовщине Октября в нашем крупнейшем издательстве ГИХЛ. Тематический план 1932 года совершенно не отражает специальной подготовки к годовщине за исключением, правда, одной книги **«Красная Москва»,** выпускаемой индустриальным сектором. И то материал для нее не подготовлен, есть только замысел.

Ни в одном секторе до сих пор не поставлен вопрос о XV-летии. Только сектор пролетарской литературы предполагает издать сборник лучших произведений за год: повестей, рассказов, очерков, стихов и отрывков из романов.

*

Издательство «Федерация» выпускает специальную серию обзоров о формалистах, о школе Воронского, «Перевале», «Переверзевщине» и «В борьбе за марксистский метод в литературе» (по материалам творческих дискуссий в РАПП). По серии «Старое и новое в литературных иллюстрациях» выйдут книги на темы: завод и быт рабочих до и после Октябрьской революции, деревня на пути от натурального хозяйства к социалистическим формам; армия царская и армия Красная. Выйдет также сборник литературных монтажей.

Ряд книг по серии художественной литературы приурочивается также к XV годовщине Октября — **«Россия, кровью умытая»** А. Веселого, **«Шагают миллионы»** Л. Дегтярева, **«Повесть о трех походах»** Белбей, большая повесть Исбаха и Мурина — к истории Коломенского завода и др.

Кроме этого издательство «Федерация» вошло в соглашение с редакцией «Вечерней Москвы» о совместной работе по изданию **«Красной книги Москвы».** Книга состоит из четырех разделов: Октябрьские бои в Москве, Москва времен гражданской войны и интервенции, Москва восстановительного периода и Москва металлическая (реконструктивный период).

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА 15 ЛЕТ

Институт ЛИЯ Комакадемии готовит к XV годовщине Октябрьской революции издание ряда сборников по истории литературы и искусства за 15 лет.

Совместно с секретариатом РАПП Институт выпускает сборник **«Развитие пролетлитературного движения с 1917 г. по 1932 г.».** В это издание войдут: документы РАПП, протоколы с'ездов пролетписателей, обзоры работ с'ездов и пленумов, полная библиография пролетарской литературы с комментариями и т. д.

Совместно с секретариатом МОРП ЛИЯ издает двухтомник **«Пролетарское и революционное зарубежное литературное движение за 15 лет».** Следующее издание: **«Всеобщий кризис капитализма и попутническое движение на Западе».** (Англия, САСШ, Франция и Германия).

Кроме того, выйдет **ряд монографий об искусстве и литературе в национальных республиках.** Институт для этого командировал весной 1931 г. в национальные районы своих научных работников, которые провели, при участии местных сил большую научно-исследовательскую работу. Собран большой материал по развитию искусства и литературы **Южной Осетии, Северной Осетии, Азербайджана, Армении, Татарии, Чувашии, Удмуртской области.**

К XV-летию выйдет **сборник статей о Максиме Горьком.** Темы сборника: «Ленин и Горький», «Горький как критик», «Горький и Запад» и др.

По линии ИЗО будет выпущен сборник **«Изобразительные искусства за 15 лет»** (документация, статьи, библиография).

К участию в составлении сборников привлечены: **А. Луначарский, С. Динамов, Л. Матейка, Б. Коваленко, Ип. Ситковский, Маца, Анисимов, Серебрянский, Храпченко и слушатели ВКИ ЛИЯ.**

На собрании писателей в клубе ФОСП

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ДОЛЖНА РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

Задачи советской литературы все более усложняются. Они особенно велики в свете перспектив второй пятилетки и предстоящего гигантского развертывания культурной революции. Художественному слову принадлежит немалая роль в решении задач, поставленных партией во вторую пятилетку. Таких, например, задач как преодоление пережитков капитализма в экономике и **сознании людей.**

Новые формы классовой борьбы, которая будет предшествовать созданию бесклассового социалистического общества, будут находить свое выражение и на литературном фронте. Все это выдвигает перед каждой литературной организацией, перед каждым органом печати новые, более сложные задачи. Повышается во много раз ответственность.

Если в свете этих задач подходить к работе «Литературной газеты» (а только так к ней и можно подходить!), то она работает еще очень неудовлетворительно. [illegible] к литературе [illegible] и в [illegible] ФОСП, «ЛГ» стала [illegible], ее тираж [illegible] читателями газеты являются не только литературный, но и партийный и рабочий актив. Между тем перестраивается газета медленно. Она не является ведущей в перестройке, не является примером перестройки литературных организаций, а дело должно обстоять именно таким образом.

Преодолев беспредметность «ЛГ» первого периода ее существования (1929 г.), ликвидировав литфронтовские установки газеты в период ее борьбы против РАПП (1930 г.), ведя четкую линию в основных вопросах литературы и добившись известных достижений в области конкретной критики и т. д., газета не преодолела ряда основных недостатков.

Слишком много внимания уделяется еще окололитературным и организационным делам, подчас в ущерб основным творческим вопросам. В совершенно недостаточной степени газета является органом Федерации всех ее отрядов. Она нередко носит характер, преимущественно рапповского органа, а этого не должно быть, хотя «ЛГ», несомненно, должна уделять большое внимание РАПП как ведущей организации советской литературы. Газета еще не создала вокруг себя широкого писательского коллектива. Страницы газеты слабо используются для писательской переписки, выступлений писателей по творческим вопросам и т. д. Большим недостатком «ЛГ» также является то, что она не умеет выделить новое, положительное в нашей литературе, использовать «силу примера», показать тенденции роста и организовывать своих читателей вокруг них.

Энергичная перестройка «ЛГ», совершенно необходимая, может быть достигнута только при устранении этих недостатков, при условии развертывания массовой работы и работы с писателями. Началом такой работы и было созванное редакцией 4 февраля в клубе ФОСП собрание писательского актива.

Собранию был предложен план работы газеты на ближайшие три месяца. Обсуждению его предшествовало вступительное слово отв. ред. «ЛГ» т. **А. Селивановского,** подвергнувшего работу газеты той критике, которая изложена выше.

В обмене мнений приняли участие тт.: **Павлов (ГИХЛ), Пермитин, Слепнев, О. Брик, А. Свирский, Ефремин, Вс. Вишневский, Л. Субоцкий (МосЛОКАФ), Еф. Зозуля, И. Сельвинский, Н. Асеев, А. Грудская, В. Герасимова, В. Залесский.**

Критика недостатков работы газеты шла по нескольким основным направлениям.

Это, во-первых, постановка конкретной критики. Говорилось о неконкретности ряда статей, подменяющих конкретный анализ произведения резолюцией, не умеющей показать отличия одного писателя от другого, найти характерные черты творчества, не стремящейся помочь писателю в деле его перестройки, — о неудовлетворительной критике творчества ударников.

Развернутому «наступлению» подвергалась газета со стороны писателей-локафовцев, поставивших вопрос о необходимости постоянного внимания работе ЛОКАФ и, главное, военной тематике.

Писатели потребовали от газеты быстрого и развернутого отклика на основные события сегодняшнего литературного и театрального дня, на то, «о чем говорит сегодня литературная Москва, что волнует каждого, волнует меня», как сказал Вс. Вишневский.

Особо подчеркивалась задача организации при газете писательского актива и превращения ее в идейно-творческий центр. В частности, выдвинута мысль об организации вокруг газеты поэтической общественности.

Много говорилось и о форме подачи материала, об отделах в газете, о необходимости ее оживления (литературный фельетон, карикатура, эпиграмма).

Все товарищи в основном согласились с предложенным планом, уточняя его своими предложениями: регулярное помещение литературных портретов писателей и художественных отрывков, в сопровождении редакционных аннотаций, выделение постоянного отдела, посвященного работе с ударниками, обсуждение в газете творчества революционных писателей по анкете, устройство творческих вечеров отдельных писателей при газете и т. д.

Намечен созыв в дальнейшем ряда практических совещаний по отдельным отраслям работы: с критиками, поэтами, по вопросам работы с ударниками и т. д.

СЛОВО ИМЕЕТ СОФЬЯ ИОВНА ГРИНЧЕНКО

КОНФЕРЕНЦИЯ ГЕРОЕВ «РАЗБЕГА»

Васюринская — типичная кубанская станица. Начиная с пейзажа и кончая станицей, залитая перипетиями ожесточеннейшей классовой борьбы. Здесь гремела гражданская война, здесь сильный и хитрый кубанский кулак в 1929 г. организовывал «хлебную забастовку», здесь в «год великого перелома» он был смят и ликвидирован как класс на базе сплошной коллективизации. И сейчас в станичном клубе порой далеко за полночь сидит актив: колхозный актив обсуждает практические вопросы организационно-хозяйственного укрепления своего колхоза, думает над тем, как вырвать из колхозного тела последние кулацкие занозы.

В. Ставский ввел Васюринскую в литературу. В «Разбеге» Васюринская описана автором под «псевдонимом» Вальяновской. Это не значит, конечно, что Ставский с фотографической точностью фотоаппарата во всех деталях рассказывает, как жила и боролась именно станица Васюринская — второй пролет от Краснодара в сторону Кавказской. Опыт борьбы за сплошную коллективизацию станицы Васюринской автор «Разбега», непосредственный участник этой борьбы, поднял на высоту политических и художественных обобщений.

Однако целый ряд живых людей, станичных активистов, колхозников и колхозниц легко узнают себя в героях «Разбега». Часть из них вошла в литературу даже под собственной фамилией. Например, Софья Иовна Гринченко, вальяновская активистка, мать замученных белогвардейцами детей, чудесный образ которой описан любовью автора к человеку своего класса.

Недавно васюринский клуб, тот самый, в котором инструктор Довыдков, в первой главе «Разбега» сделал свой неудачный доклад, стал свидетелем небывалой в истории литературы встречи автора с героями своей повести.

В зале — не протолкнуть. Сидят на стульях, сидят на подоконниках, сидят на полу, стоят стеной. Ставский делает доклад о своей книжке. Доклад ли? Верней — развернутая речь об эпохе «Разбега» и текущих колхозных задачах вообще и васюринского колхоза в частности.

Если глядеть в зал, трудно разобрать, где кончается литература и где начинается бурная — в борьбе, труде и победах — жизнь.

Вот Софья Иовна Гринченко сидит в президиуме, положила сухую — в морщинах темных, как кучки, — щеку на черную ладонь. Кто она, Гринченко — литература или жизнь?

А вот смотрит исподлобья, из грузных очков оправленной шумной шубы бородатый старик. Взгляд его тяжел и недоброжелателен. Не Чельцов ли это, хитрый вальяновский регент, пробравшийся в колхоз? Осенью семнадцать кулаков, оказавшихся в васюринском колхозе, были разоблачены активистами и красными партизанами. Кто поручится, что бородатый в оранжевой шубе — не восемнадцатый?

Доклад окончен. Начинаются прения. Вот протокольная запись отдельных выступлений.

Горлопан (вошел в «Разбег» под той же фамилией): «Книга изучая и поможет исправлять ошибки многим товарищам».

Натока (бригадир): «Книга облегчила работу в бригаде. После ее проработки бригадиру и членам бригады легче определить лицо отдельных товарищей, чем облегчается подход к колхозникам в отношении работы».

Кучер (один из героев «Разбега», станичный партизан): «В 1929 г., работая с т. Ставским на хлебозаготовках, нам пришлось вести большую борьбу с кулаками, срывающими хлебозаготовку. В своей книге т. Ставский указывает правильный путь в дальнейшей борьбе за укрепление колхоза. В настоящее время мы имеем по нашей станице большой прорыв в проведении уборочной кампании, где тоже большую роль сыграла агитация кулаков. На имеющемся прорыве нам придется изучать книгу т. Ставского, чтобы третий весенний сев провести без ошибок».

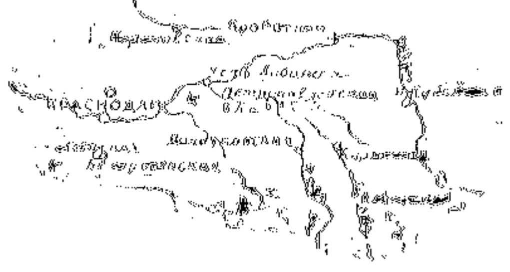
Это заявление низового парработника ярко выявляет значимую суть «Разбега». Его принимают как боевое руководство к действию, которое в художественных доходчивых полнокровных образах учит как надо работать и бороться за генеральную линию партии. Об этом говорили и тт. **Борзенок, Савченко, Орел, Прилуцкий.**

Бублик (колхозник): «В своем произведении т. Ставский ясно, просто, понятно для каждого грамотного человека описал переживаемые нами события».

Катержина (красная партизанка): «Женщины и партизаны. Я обращаюсь к вам. Кулак еще у нас есть, он шипит на нас, как гадюка. Тов. Ставский описал всю нашу жизнь, и я прошу его описывать нашу борьбу, ведя нас, женщин, к науке, помогая борьбе за светлое будущее».

Гринченко: «Тов. Ставский написал правильно книгу, все, что мы пережили в те годы».

По докладу Ставского конференция героев вынесла резолюцию. Одобрив «Разбег», конференция дала автору боевой наказ: в новых своих произведениях описать строительство и укрепление кубанских колхозов, вскрыть элементы классовой борьбы внутри колхозов, художественно отразить борьбу колхозных масс за успех хозяйственно-политических кампаний.



Карта Кубани. Крестиком отмечено приблизительное нахождение ст. Васюринской.

Наглядным свидетельством огромного культурно-политического роста колхозной станицы была эта замечательная конференция. Кстати, фактическая справка: на две тысячи дворов станицы за два-три месяца продано 638 книжек «Разбега».

Несомненно, Ставский нашел новую интереснейшую и действенную форму общения писателя с читательской массой. Почему бы квалифицированной бригаде марксистских критиков и литературоведов на месте, в Васюринской, не изучить с достаточной глубиной и полнотой вопроса о взаимодействии литературы и социалистической практики на данном конкретном примере? Какая бездна сложнейших и интереснейших литературоведческих и общественно-политических проблем вытекает из васюринской «конференции героев»! Насколько ценно было бы в цифрах, в фактах проследить, как «Разбег» помогал васюринским колхозникам по-новому строить жизнь, бороться с классовым врагом, укреплять хозяйство. Как отразилась «конференция героев» на текущих советских буднях станицы? Как пытался классовый враг нейтрализовать влияние «Разбега» на массы? Это была бы оригинальная и нужная работа.

Пути к созданию Магнитостроев художественной литературы пролегают здесь. Только писатель-боец за дело рабочего класса, вооруженный марксистско-ленинским мировоззрением, непосредственный участник социалистической стройки, способен создать ту высококачественную большевистскую художественную литературу, о которой Ленин писал еще в 1905 году:

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)». (Ноябрь 1905 г. «Партийная организация и партийная литература», собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 24 и 25).

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПРОТОКОЛ

КОНФЕРЕНЦИИ УЧАСТНИКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ „РАЗБЕГ" И ЕГО ЧИТАТЕЛЕЙ СТ. ВАСЮРИНСКОЙ ОТ 18/I 1932 Г. В ПРИСУТСТВИИ АВТОРА КНИГИ т. СТАВСКОГО

ПРИСУТСТВОВАЛО—378 человек.

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА: тт. Прилуцкий, Ставский, Овинникова, Кучер, Ягло, Борзенок, Негруль

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ—КУЧЕР. СЕКРЕТАРЬ—ОВИННИКОВА

I. РАЗБОР ПРОИЗВЕДЕНИЯ т. СТАВСКОГО «РАЗБЕГ»

СЛУШАЛИ:

1. Разбор произведения т. Ставского «Разбег» (доклад т. Ставского и прения, в которых выступали тт. Суриков, Горлопан, Натока, Кучер, Савченко, Орел, Щербина, Нечай, Бублик, Катержина, Гринченко, Конш, Борзенок, Ценковский, Шевелева, Кулиш, Прилуцкий).

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Мы, члены конференции по разбору произведения пролетарского писателя т. Ставского «Разбег» и участники событий, описанных в этом произведении, заслушав доклад самого автора книги т. Ставского, целиком и полностью одобряем книгу «Разбег», в которой автор очень умело и правдиво сумел описать классовую борьбу в деревне.

2. Конференция считает, что подобного рода труды пролетарских писателей очень ценны и полезны советскому читателю, так как очень умело дают возможность широким массам трудящихся распознавать классового врага, мобилизует массу трудящихся на окончательную и решительную борьбу с кулаком, на борьбу за укрепление колхозов, на борьбу за социализм.

3. Конференция считает необходимым, чтобы автор данного произведения «Разбег» т. Ставский и в дальнейшем продолжал свои труды, описывая строительство и укрепление колхозного хозяйства, вскрывая новые формы классовой борьбы, мобилизуя колхозные массы на борьбу с классовым врагом на данном этапе развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы.

4. Конференция также считает необходимым, чтобы автор в дальнейших своих произведениях отражал ход всех хозполиткампаний, как-то: хлебозаготовки, мобилизация средств и др., мобилизуя массы по-боевому, по-большевистски драться за скорейшее их выполнение, одновременно отражая героев-ударников на всех фронтах социалистической стройки.

5. Участники конференции приветствуют проведение подобных конференций и находят необходимым и в дальнейшем почаще их проводить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КУЧЕР
СЕКРЕТАРЬ А. ОВИННИКОВА

СИЛА ПРИМЕРА И ОБРАЗЦЫ ПОВЕДЕНИЯ

УДАЛСЯ ЛИ Ю. ЛИБЕДИНСКОМУ ОБРАЗ ПЕТИ ГОРДЮШЕНКО?

Мы печатаем статьи А. Котова и литкружка Сталинградского тракторного завода, посвященные очерку Ю. Либединского „Петя Гордюшенко".

Правилен ли творческий метод Ю. Либединского в этом очерке? Ведет ли он к созданию образов, показывающих массам „образцы поведения"?

В развернувшемся смотре молодежной литературы эти вопросы приобретают особое значение.

Печатая статьи в порядке творческой дискуссии, редакция выскажет свою точку зрения при подведении итогов смотра.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГЕРОЙ?

В развернувшемся сейчас смотре молодежной литературы особенно решительно должен быть заострен вопрос о воспитательных возможностях пролетлитературы. «Пролетарская литература, — говорил т. Косырев, — должна помочь партии и комсомолу вооружить массу силой примера, показать ей образцы поведения». Особенно остро должен быть поставлен вопрос о создании образа того героя социалистической стройки и классовой борьбы, «который овладел бы умами миллионов молодых трудящихся, с которого они могли бы брать пример». Мы еще недостаточно хорошо и планомерно занимаемся этим вопросом. Он еще не осмыслен как вопрос творческой размежовки в пролетлитературе.

Разные писатели по-разному создавали образы героев социалистического строительства. Известно, например, что Богданов создал образ «Первой девушки», образ Алехина, образ Власа и героического комсомольца Димки. Не они ли есть герои нашей эпохи? Не их ли нужно пропагандировать как героев, с которых следует брать пример? «Первая девушка» ведь написана в плане героики. Именно от прихода «первой девушки» улучшается деревенская ячейка, именно она оказывается впереди молодежного отряда во время боя с бандитами, именно она с исключительной настойчивостью крепит уездную организацию комсомола. Или Димка-комсомолец; он делает необычайные героические поступки: переходит польскую границу, убивает польского пограничного стражника и т. д. Не они ли, эта необычайная «первая девушка», эти комсомольцы Алехин и Димка, не они ли и есть положительные герои молодежной литературы? Не метод ли Богданова, не тот ли творческий метод, благодаря которому он создал этих своих героев, является тем единым творческим методом, с помощью которого можно наиболее полно выразить все величие работы комсомола и, следовательно, действительно создать образ положительного героя пролетлитературы?

Отнюдь, нет. Очевидно, потому что люди Богданова — романтики, потому что метод Богданова — метод романтических разрывов действительности, метод ложного романтического пафоса — не является тем методом, который вырабатывает пролетарская литература. Герои Богданова — это люди, изолированные по существу от действительности, обиженные станицами выше ее.

В «Первой девушке» есть такое место: «А глаза Сани так ласково оглядывали нас, что полетучило волнение и хотелось прямо сейчас же подвигов. Вот теперь-то мы почувствовали себя комсомольцами».

По Богданову выходит, что настоящих комсомольцев делает именно глаза Сани. Следовательно, герои Богданова несмотря на их «героизм» не становятся героями нашей литературы, ибо они не выражают собой те действительные процессы, которые происходят сейчас при социалистическом переустройстве мира.

Возьмем **«Выстрел»** Безыменского. Быть может, ударная комсомольская бригада трамварка и есть то положительное, что нужно сейчас для пролетлитературы? «Выстрел» поднимает вопросы ударничества, вопросы, которые являются центром комсомольской работы в реконструктивный период, и уже в этом — заслуга Безыменского. Но, с другой стороны, «Выстрел» не выражает всей глубины процессов переделки и формирования новых людей, ибо «Выстрел» схематичен, ибо герои его написаны по принципу обезличения. И права была рапповская критика, когда поставила вопрос, почему застрелился именно Корчагин, а не кто-нибудь другой, почему именно здесь слабое звено, а не где-либо рядом?

Можно было бы указать на такое произведение, как **«Жили два товарища» Левина**. Не останавливаясь подробно на этой повести, укажем на главное, именно на то, что здесь проблема биологизма и личных качеств человека в отрыве от действительности, от ведущих сил этой действительности, замещает собой вопросы социалистического строительства. «Товарищи» Левина несмотря на то, что они формально поставлены в вузовскую среду, не выражают собой существа коммунистической учащейся молодежи, и, очевидно, понятно, что эти вузовцы Левина никогда не будут образцами коммунистического поведения для нашей молодежи.

Создание положительного героя стоит в плане генеральной темы пролетлитературы — показа лучших, что особенно правильно потому, что борьба за тему подразумевает здесь в то же время и борьбу за мировоззрение, борьбу за диалектико-материалистический метод. По принципу схематизма, портретного описательства пролетлитература никогда не создает положительного героя. Точно также положительный герой не будет создан методом искажающей действительность романтики и голой ее беллетризации.

Когда мы говорим о создании положительного героя в литературе, мы обращаемся к уже имеющейся литературе о героях социалистического строительства. Следует, например, остановиться на очерке **Ю. Либединского «Петя Гордюшенко»**. Либединский в значительной мере справился с задачей создания действительного героя социалистического строительства, нового человека, героизм которого качественно отличен от «героизма» буржуазной литературы. Заслуга Либединского в том, что Петя Гордюшенко — это не просто герой, типа купца Калашникова с засученными руками, а герой, который складывается в новых, социалистических условиях, который «бросается с засученными руками в опасную близость огня» не потому, что он просто разудалый «отерпи да брось» парень, но потому, что это человек, который растет в новых социалистических условиях, который осмысливает свой труд и свой героизм, который понимает всю классовую значимость своих поступков.

Следует указать и на **ошибки** Либединского. Либединский не показал процесса преображения Пети Гордюшенко, не показал того, как в процессе соцстроительства Петя полностью преодолевает свой анархизм.

Очерк **Маковского «Изобретатель Шуркина Шверин»**, как и некоторые другие произведения о лучших, имеет то положительное, что герой показывается в свете нашей действительности, что стимулом к соцсоревнованию является инициатива самих рабочих, исходящая из сознания этого метода как социалистической формы труда, что рабочий является не рабом машины, а ее господином.

В свете каких вопросов может быть показан положительный герой молодежной литературы?

Он может быть показан только в свете тех вопросов, которые стоят сейчас перед комсомолом, которые определяют его работу, и прежде всего в свете шести условий, поставленных тов. Сталиным.

В этом отношении интересна литература ударников. Вот, например, рассказ **Гриня «Кадры»**. Этот рассказ интересен тем, что Гринь решает вопрос, волнующий рабочую молодежь, как молодой рабочий идет в комсомол, что побуждает его к этому.

Именно только в свете задач, стоящих сейчас перед комсомолом, и может быть создан в пролетлитературе тот молодой ударник социалистической стройки, который должен завладеть умами трудящейся молодежи, который должен воспитывать людей социализма.

А. КОТОВ

О «ЦЫПЛЯЧЬЕМ ПУХЕ»

Недавно на одном из занятий литературного кружка **Сталинградского тракторного завода** обсуждали очерк **Юрия Либединского «Петя Гордюшенко»**. Присутствие на занятии самого т. Гордюшенко дало возможность широко поставить вопрос о творческом методе Либединского и о работе над очерком вообще.

Прежде всего нас поразило, что жизнь Пети Гордюшенко, рассказанная в этот вечер им самим, оказалась значительно интереснее и увлекательнее, чем в очерке Либединского. Это заставило нас внимательно разобрать отдельные места в очерке.

В очерке добросовестно рассказана жизнь Гордюшенко, но художественного портрета героя все-таки не получилось.

Либединского интересует Гордюшенко не как герой-ударник, а просто как забавный и не лишенный странностей парнишка, как биологический индивидуум. Не жалея красок и даже подчас повторяясь, автор любовно вырисовывает наружность героя, глаза, брови...

«Его улыбка сверкает белыми зубами, глубокие морщинки около глаз и быстрой смышленности обозначат его лицо и сочетаются (?) с темными и смелыми очертаниями бровей».

Либединский добросовестно запомнил, какого цвета глаза у Гордюшенко, но зато он забывает дать его общественную фигуру, забывает показать Гордюшенко на производстве.

Этого-то и недостает очерку о Пете Гордюшенко. Очерк показывает только детали и не всегда характерные черты героя, не раскрывая сколько-нибудь полного отношения Гордюшенко к производству, его места в ряду других ударников тракторного, его производственной и общественной практики.

«Когда я поступил в литейный, — говорит Гордюшенко, — у меня еще много было беспризорных привычек». За два года работы на тракторном Гордюшенко внутренне рос и перевоспитывался.

Автор очерка проглядел это внутреннее перерождение героя, упустил самое значительное — процесс создания характера. Богатейшая биография Пети, полная интересных, значительных фактов, творчески не продумана, не осмыслена автором. На всем протяжении очерка не чувствуется роста героя, Гордюшенко показан сложившейся фигурой. Автор даже старается подчеркнуть, что «все это у Пети с детства».

В очерке есть одно место, которое как будто указывает на то, что у Либединского была попытка наметить сдвиг в психологии Пети, показать первый источник его дальнейшего роста. Это — митинг, где говорил «паршишка шустрый, глазастый, большеротый, похожий на галчонка». Здесь Петя впервые услышал незнакомые доселе слова «соцсоревнование» и «ударничество».

Но, конечно, не «большеротый паршишка» вызвал поворот в темное строительстве, и не его речь заставила переродиться Петю Гордюшенко. И эта ошибка автора неслучайна. Не показав Петю Гордюшенко на производстве и в общественной жизни, автор отнял у себя самую возможность убедительного и яркого раскрытия качественного перерождения героя. Неплохо справляясь с показом отдельных личных черточек Гордюшенко, автор становится бессильным, переходя к изображению производственной деятельности Пети, к показу цеха и завода в целом.

Здесь явный разрыв. Такой же разрыв, как в отношении **Шорохова** из «Рождения героя».

Везде, где только автору приходится выходить за пределы «внутренней» психологии вымышленного им героя, он сразу перестает быть художником и вместо живого показа прибегает к сухой и неубедительной абстракции.

Очерк написан в период глубокого прорыва на тракторном заводе. Но об этом прорыве, о жизни завода в целом не сказано почти ничего. Не показаны и движущие силы, которые вытянули завод из прорыва и привели к перевыполнению программы. Все это автор заменил каким-то потусторонним «командным напевом», который будто бы исходил от директора завода т. Иванова.

«Это был какой-то командный напев, который боролся за то, чтобы войти в каждого человека, и тогда каждый будет работать лучше, быстрее»... и т. д. Это звучит тем более странно, что у Иванова очень громкий зычный голос, от которого, как говорили на заводе, «волос дыбом становится».

Этот неуместный «командный напев» еще лишний раз свидетельствует о неумении автора показать коллектив и действительные сдвиги, происходящие в массах, которые рождают ударный труд, которые недавно привели завод к выпуску 120 тракторов в сутки.

В самом отборе фактов чувствуется пристрастие Либединского к личным внеобщественным чертам героя. Нам представляется, например, совершенно лишней последняя сценка очерка, где читатель узнает о том, что Либединский «рассеянно слушал Петьку», где разговор идет о лилипутах и специальном пухе». Здесь автор рассматривает Гордюшенко как забавную букашку, и Гордюшенко, который интересует нас именно как ударник, представляется просто любопытным и чудаковатым мальчиком Петькой.

Пресловутый «цыплячий пух» убедительно вскрывает ошибочность творческого метода «Рождения героя». Он доказывает, что старыми средствами нельзя писать о новом. И то, что в отделе дал раскрытия семейной драмы Шороховых, становится явно недопустимым в применении к показу героев труда, так как метод т. Либединского «ведет его теорию в меньшевистское болото и является иллюстрацией влияния враждебной пролетариату идеологии на отдельные участки пролетарской литературы» **(Мехлис, «За перестройку работы РАПП»).**

Величайшая и ответственнейшая задача, поставленная перед РАПП нашей партией, — показ героев пятилетки, может быть разрешена только при условии упорной борьбы за диалектико-материалистический метод. И путь к этому методу идет мимо «Рождения героя» и мимо очерка «Петя Гордюшенко».

Мы за показ героя — ударника производства, но мы против «цыплячьего пуха»!

Члены литкружка СТЗ: РАВСКИЙ, НЕСТЕРОВ, БАРАНОВ, КИЗИЛО, ЗАЙЦЕВ, КАРВЕЛЬ, ОСТРОУМОВ, БЕЛОВ, МАТВЕЕВА, НАТОЧАННАЯ.

Примечание. Это письмо было написано до опубликования в **«Правде»** статьи **т. Г. Лебедева «Отзвуки меньшевиствующего идеализма в художественном творчестве».**

Тов. Лебедев ставит вопрос о методе, которым написано «Рождение героя», более широко и дает исчерпывающие обобщающие выводы. Но общая оценка основных ошибок Либединского т. Лебедевым во многом совпадает с нашей оценкой.

Не внося никаких изменений в наше письмо, мы присоединяемся к выводам т. Лебедева.

ЛИТКРУЖОК СТЗ.

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ

На широте бурь

В 1927 г. Джон Дос Пассос приезжал в Москву. Высокий, с тонкой шеей и внешностью музыкального интеллигента, Дос Пассос глядел на этот мир глазами одинокого искателя истины. Как писал «Дейли Джон», он приехал в СССР, чтобы «своими глазами увидеть жизнь первого в мире государства трудящихся».

Его привел к нам тот «социальный чувство», о котором говорил Ленин, давая характеристику Барбюсу. Крайне важный по существу этот социализм был не чем иным, как отвечением лучших мелкобуржуазной интеллигенции кризиса капиталистической системы, толкающим к нам лучших людей Запада.

Потом Дос Пассос уехал. Обстановка, в которую он попал, мир, в котором он пришел здесь, — было очень так, что не было похоже ни на какие социальные климаты, нечто совершенно новое. Странствующий американец обернулся на потерянную землю. За ним была Советская страна. Впереди — путь призрачной суеты вагонов, автоматизированных писательней. Океан. Монахи, рубящие зеленую воду. И белые на сотни небоскреба Нью-Йорка.

Дос Пассос вернулся домой. У нас он был избран членом Международного бюро революционной литературы. И вот — в первый раз — словно к нам приходит его книга, вызывая в памяти весь его облик. Книга не только острота…, но в высшей степени яркая и характерная для понимания духовной жизни радикальной интеллигенции в обстановке распада капитализма.

Мы можем воспользоваться лапидарной метафорой, которую автор распахивает перед читателем на первой странице, стремясь сразу ввести в существо книги: «Эти частые бури были предметом неусыпного внимания всех американских метеорологов; … Которые… эти бури имеют три пути, или направления, от Скалистых гор к Атлантическому океану, причем центральный их путь приблизительно совпадает с 42-й параллелью». Это из американской энциклопедии Э. У. Хедли из Чикаго. Ну, дело ясно: метафора прозрачная — речь идет о социальном неблагополучии на всем пространстве «звездного» континента.

Все, что шелестает взору на следующих страницах, может вызвать у читателя некоторое замешательство или недоумение. Обрывки из газет, взятые как бы без всякой связи. Случайные записи жизни, куски ее стенограммы. Настроения, воспоминания детства, забытые … события. Среди них несколько отдельных рассказов, или новелл, едва сшитых фабулой или общим едва проглядывающим героем. Это не роман, не повесть, не хроника. Литературное обличье книги вместе с тем не случайно, а так, как сказано, мысль. При этом, мысль, которая не выражена формулой и посылается к читателю не только выводной метафорой, а из всех пунктов книги, — мысль, которая растворена во всем движении фрагментов.

«Я, — писал однажды Дос Пассос, — никогда не примыкал ни к одной из революционных партий и делал очень мало попыток к прямой пропаганде своих идей. Происходит это, вероятно, не столько благодаря моим теориям, сколько благодаря воспитанной с детства привычке к одиночеству. Я считаю, что если американский писатель старается изображать известные ему стороны жизни возможно правдивее и научнее, то его произведения едва ли нуждаются в определенной идеологической окраске, они и без того являются приговором современной американской жизни».

По-видимому, Дос Пассос под словами «идеологическая окраска» разумел публицистические высказывания. Их нет. Действительно, те, кто прямо составить себе представление о книге по авторским предисловиям, ничего не поймет в Дос Пассосе. Но «идеологическая окраска» книги вполне определенна.

Итак — бури, начинающиеся в Скалистых горах. Они «несутся на восток со скоростью не менее двадцати миль в час». Развертывая метафору, мы захотим представить себе пыль, листья, клочки дымов, мчущийся поток людей.

«Когда ветер дул через реки, где была расположена фабрика серебряных изделий, в сером деревянном доме на четыре жильца, в котором родился Фэйни Мак-Криэ, весь день пахло мылом на веревке. В другие дни здесь пахло … и детьми и кошками, в которых мистер Мак-Криэ … Фэйни никогда не играл дома, потому что папа, хромой человек с впалой грудью и печальными желто-серыми усами, служил ночным сторожем на заводе Чедвик и спал весь день...».

«...рваные холмы, лесные участки, фермы, коровы, красный жеребенок, брыкающийся на пастбище, изгороди, полосы болот»...

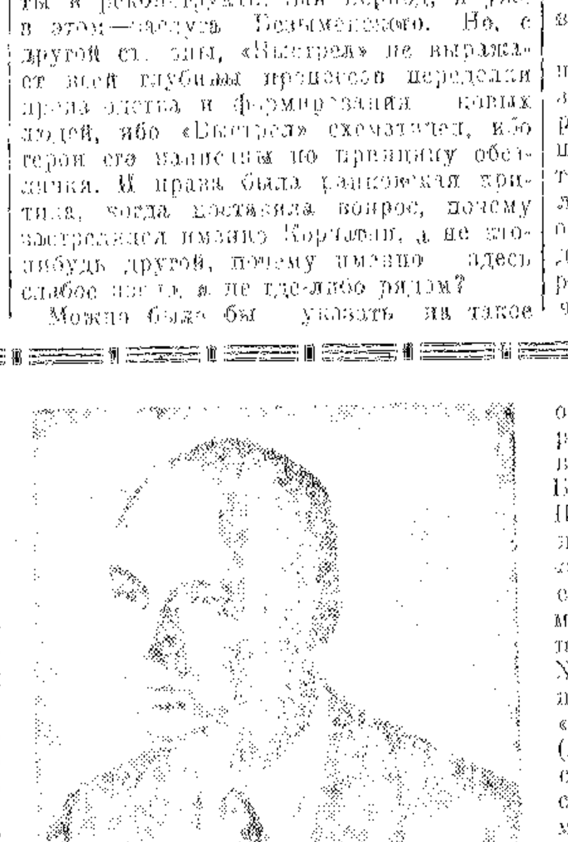
«...и он был курьером, разносил пакеты с циркулярами, летучками, афишами, увертывался от трамваев, шнырял под взмыленными мордами больших ломовых лошадей, подлезал под грузовыми фургонами...»

И вообще представьте себе, как много мутит голову от дрожания парохода, и запах портов и путешествий, и … баров в маленьких западных городишках, и негров, и португальцев, и поляков, сплющенных среди этих дорог, среди токов с хлопком, бочек с рыбой и нефтью — работающих мостильщиками, рабочими, … в этом вареве, раскинувшемся на целый материк.

Среди этой путаницы впечатлений, феноменологического разнообразия жизни, возникают и прослеживаются автором в известных своих отрезках истории нескольких людей, героев отдельных новелл. Кто они? Это обычный мелкий люд, дети полурабочих, ремесленников, учителей и клерков. Таких стандартных американских «героев» в книге несколько. Мак, Дженни, Дж. Уорд Мурхауз, Элинор Стоддард, Чарли Андерсон. Их судьбы различны. Мак — бродячий рабочий — вступает в организацию Индустриальных рабочих мира. Романтичный одиночка, честный и впечатлительный, он в конце концов отходит в сторону от классово-организованного коллектива и едет «революционером» в Мексику. Там он окончательно «оседает» в социальном смысле, через случайную женитьбу превращается в книжного торговца. Джон Мурхауз, сначала незначительный агент Пенсильванской железной дороги, становится солидным директором мильтонного предприятия. Чарли Андерсона захватывает в свою воронку империалистическая война, и он попадает «добровольцем» на фронт в Европу. Дженни, это — Евро-девушка, печатающая … на столе начальника. Элинор — … интеллигентка с художественными запросами, с некоторым стеснительным своеобразием, … мужчин.

Но суть не в этих отдельных историях, которые нет необходимости повторять. Дос Пассос хочет произвести «частиц» человеческих частиц, перемещающихся и опускающихся среди этого смешения рас и людей, именуемого Америкой. Есть ли в этом движении какая-либо социальная логика или направление? Дос Пассос не дает прямого ответа. Боязнь внести преднамеренную «идеологическую окраску» повела его к отказу от синтеза, от обобщений. Мелкобуржуазные герои Дос Пассоса, путем силой, которая стоит за их спиной. Что это, ветер бури со Скалистых гор? Или железные законы капитала, захватывающие людей в свою машину? «Смотрите и делайте выводы», говорит между строк Дос Пассос. Себе он оставляет лишь одно: дать сигнал тревоги, сказать о том, что жизнь этих людей в общем пуста и случайна, как пыль внутри вихря, который подымает ветер на дороге.

Но это не все. В основу «42-й параллели» положен не только равнодушный (и, стало быть, буржуазный) «объективизм». В целом ряде мест Дос Пассос дает совершенно отчетливую революционную, и иногда даже приближающуюся к пролетарской идеологическую установку. Не только с видимой симпатией он рисует рабочую среду (Мак и Чарли), с ее грубоватым и примитивным укладом, но целиком переходит на сторону пролетарской организации Америки — Индустриальных рабочих мира — в ее борьбе с компрессорными социалфашистами, не видя в то же время и уязвимых сторон этой организации. Среди «…», … промежутки между новеллами, Дос Пассос дает ряд сжатых биографий некоторых известнейших американских деятелей последнего полувека: Дебс, Билль Хейвуд, Бербенк, Брайан, Майнор Кит, Карнеги, Эдисон, Штейнмец, Лафолет. Эти биографии, написанные необыкновенно сжатым «электрическим стилем», являются своего рода и маленькими аккумуляторами миросозерцания автора. Биографии пролетарских революционеров Дебса и Хейвуда написаны в тоне безоговорочного принятия их идеалов и, наоборот, «мальчик-оратор с Платты» Брайан (начальный … обезьяньего процесса) и «князь мира» Эндрью Карнеги — с иронией. И даже американский кумир Эдисон под пером Дос Пассоса лишается романтики «чародея», и у него проступают черты делячества и утилитарного эмпиризма.


ДЖ. ДОС ПАССОС

Эта сторона книги, которая, как мы видим, находится в некотором противоречии с субъективными творческими установками автора на «незаинтересованную правду», позволяет рассматривать Дос Пассоса как нашего литературного союзника в борьбе американского пролетариата за свое освобождение. Книга свидетельствует о значительном революционизировании в обстановке кризиса широких слоев американской интеллигенции, представителем которых в известной мере может считаться Дос Пассос. Но творческий метод, лежащий в основе «42-й параллели», мы должны квалифицировать как метод типичный для мелкобуржуазного мировоззрения, бессильного понять и охватить хаос капиталистического мира.

Этот творческий метод, метод идеалистический, можно назвать феноменологизмом. В чем его суть? Это охват действительности не в ее существе, а только в явлении. Дос Пассос хочет фиксировать явления не только в их больших «отрезках» как истории отдельных людей, но во всех мгновениях, пробегающих сквозь нашу нервную систему. Сложность, путаное изобилие жизни, неуступчивую дробность бытия — вот что с особенной непримиримостью ощущает Дос Пассос и стремится воспроизвести с наивозможной («научной») честностью. Манера импрессионистической, летучей записи, усвоенная Дос Пассосом, как раз отвечает именно этой задаче. Разорванность, фрагментарность во внешней композиции книги без натяжки может иллюстрировать разорванность внутреннюю.

Действительно, книга так и остается в сознании у читателя как «материал к...» Синтеза, выводов, попыток каких-либо обобщений нет. В этом смысле «Манхэттен», предыдущий роман Дос Пассоса, куда собраннее, суше и четче.

Жизнь течет, и как ухватить ее сразу во всех ее точках — вот задача, для которой Дос Пассос ищет художественных средств. Он сознательно идет на экспериментаторство, прослаивая «42-ю параллель» этими своими иногда полубессвязными записями, названными «кинохроникой» и «киноглазом». Очевидно, что «кино» взято здесь тоже чисто метафорически, именно как эмблема текучести, постоянной смены кадров. «Кино-хроника» — это выписанные в ряд обрывки американских газет в том их случайном сочетании, какое бывает, когда просматриваешь их где-нибудь в вагоне метро или трамвая. Дос Пассос отбрасывает здесь знаки препинания и меняет знаки пунктуации, подчеркивая феноменологическую слитность событий. Мещанская чепуха, которой кормит своих читателей желтая пресса, перемешана тем с информацией о политических событиях, создавая очень характерный фон для «стандартных героев» книги. «Кино-глаз» в сущности тот же «фон», но взятый в ином, бытовом разрезе. Поток кусочков каких-то случайных, посторонних жизней.

> «Мы торопились, качаясь, как в лодке, в пыльной, пахнущей стойлом одноконке. Он все твердил: А что ты скажешь, Люси, если я приглашу кого-нибудь к столу? Они очень милые люди, Люси, эти негры, и у него была газетка в маленькой серебряной коробочке и он дышал сиплым перегаром, торопились поймать поезд в Нью-Йорк, и Она говорила: Ах, куколка, надеюсь, мы не опоздаем. Скотт ждал с билетами, и нам пришлось бежать по перрону вокзала Седьмой улицы, и все маленькие пушки попадали из ящика, и все нагнулись их подобрать, а кондуктор: Занимайте места, сударыня, живей сударыня, это были маленькие медные пушки, они сверкали на солнце на перроне вокзала Седьмой улицы и Скотт усадил нас всех и поезд двинулся и … и он подал пригоршню маленьких медных пушек в них могла уместиться как раз самая маленькая красная ракета в Манильском заливе во время сражения и Скотт сказал Вот твоя артиллерия, Джек».

Эта манера записи, как видите, напоминает Джемса Джойса, напоминает именно те, ставшие знаменитыми места в «Улиссе», где жена Блума Мэрион, лежа в кровати, в полудремоте вспоминает свои любовные истории. Подчеркнутый эмпиризм подобных стенограмм — крайнее выражение разорванности мелкобуржуазной психики, отталкивание от организующего разума.

Усложненность, импрессионистичность, феноменологизм Дос Пассоса являются выражением деклассированности некоторой части интеллектуальной верхушки Америки. Одиночество и бродяжничество, которое «толкнуло» Дос Пассоса (и вместе с ним тысячи ему подобных), объективно отражают распад семей и бытового уклада в странах капитала. Последнее полустолетие было временем усиленной эмиграции из Европы в Америку. Дед самого Дос Пассоса был португальцем-башмачником с о. Мадеры. Его отец — адвокат. Дос Пассос жил вне семьи, и судьба перекидывала его с места на место. «Виды побережья Гаваны или Марсельского порта или порта Вальпараисо, авантюры жизни, ее удачи и трагедии, встречи на торговых путях, крайняя насыщенность впечатлений разнообразного, тонкого и интернационального диапазона, изломы … в их непрестанной смене — вот биографическая база творчества Дос Пассоса. Мелкобуржуазная романтическая революционность — вот социальное содержание его. И «42-я параллель» — симптоматичнейшее явление кризиса американской литературы.

«42-я параллель» — книга, вносящая интереснейший материал и писательские поиски в круг наших творческих споров. Это книга (кроме того) серьезной внутренней культуры, честных раздумий без налета «литературщины», несмотря на видимое «облегчение» стилевых приемов. Ее язык, устремленный на точное описание, не гнушающийся и грубых натуралистических подробностей, часто даже входит в противоречие с общим импрессионизмом композиции.

Все эти не только идейные, но и стилевые творческие противоречия, которыми полна книга, выразительно освещают противоречия, среди которых бьется мелкобуржуазный интеллигент Америки. Бури, которые ощутил всем своим существом Дос Пассос, бушуют сегодня на 42-й параллели, на широте Нью-Йорка с новой и неутихающей силой. И дальше на продолжении этой параллели — через оба океана: Атлантический и Тихий. В Испании, в Мадриде горят монастыри, восстают рабочие. В Цзиньчжоу — гром японских пушек. Опоясав земной глобус, от Скалистых гор бури идут по той же 42-й параллели. Но есть место на планете, где, смыкаясь, концы этой параллели встречают новый климат и новые начала жизни. В том месте, где она проходит через Закавказье, Тифлис, Среднюю Азию, она … задумывающую грандиозную работу построения социализма.

Здесь взорвал и смел … класс … щий бури. Сюда повернулся … своими устремлениями Дос Пассос, остановившись еще на полдороге … классового существа … на 42-й параллели северной широты.

Армия бдительна: враг лукав!
Будь же и ты на чеку, локаф
И. Сельвинский

НА ОБОРОНУ СОЦИАЛИЗМА

КО ВТОРОМУ ПЛЕНУМУ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ЛОКАФ

1

Ко второму пленуму Центрального совета ЛОКАФ приходит как массовая литературно-политическая организация, развернувшая широкое литературное движение в Красной армии и флоте и поставившая значительную часть советских писателей на службу обороне социализма.

С самого начала своей деятельности ЛОКАФ сосредоточил основное свое внимание на творческой работе ЛОКАФ, развернул самокритику и творческую дискуссию, объявил творческую мобилизацию в связи с 15-летней годовщиной Красной армии и флота. ЛОКАФ впервые включил в свою практику элементы планирования творческой работы и основной своей задачей поставил творческую помощь писателю и его работе над оборонной тематикой. Многие произведения членов ЛОКАФ являются по существу результатом коллективной деятельности.

2

Результат поворота ЛОКАФ к творческим вопросам — большое оживление военной тематики.

Мы приведем к оборонной тематике целый ряд пролетарских и советских писателей. «Бойка» Н. Тихонова, «Так ленинцы» Лаврентьева, «Компромисс Наб-хлада» В. Иванова, «История одного стрелка» Сельвинского, «Каменная тропа» Бронтеса-Трифонова, «Железный» Васильева, военные очерки Ставского, Тарасова-Родионова, Неверова, Вс. Вишневского, Ильенкова, Ивана Рукавишникова, Ивана Катаева, Ивана Рахилло, Мстиславского, К. Левина, Гарина — далеко неполный список произведений, списки, растущий с каждой декадой.

Ряд начинающих красноармейских писателей дал ценные художественные произведения о современной Красной армии. Произведения эти говорят о том, что в недрах Красной армии растет живой родник художественного творчества. Можно назвать целый ряд писателей: Галиуллина, выпускника «Эскадрон коммунаров», Дмитриева («Есть, вести поработь»), В. Толстого (очерк «Ди-Джан», рассказ «Человек, который летает»), Бобрышева (очерк «Дивизия на тракторах»), Калныньш («Звездный сбор»), Либермана («Проверка»), Лукьянцкого («У подножья смерти») и др.

Огромный рост оборонной художественной литературы в национальных республиках показывает, что ЛОКАФ складывается как общесоюзная литературно-политическая организация. На Украине мы имеем несколько десятков новых произведений о Красной армии, о войне, об армиях капиталистических стран. Среди них есть ряд крупных художественных произведений, таких, как «Шлях-дарм» Ирчана, «Земля горит» Любченко, «Бенцы» Панча, «Кобзарь-удар» Дубинского и др. На красноармейских писателей, выдвинувшихся на Украине, следует отметить Аркадия («Очерки Ударщины»), Домиченко («записки» очерков «Мой день»), Гнто Гамп («Мои воспоминания»), Галушко («Первый раз на часах»), Горенко.

Большую работу развил ТатЛОКАФ. Орган ТАПП «Атака» напечатал «оккупировал» ЛОКАФ. Вышли из печати «Четыре брата» Г. Тукумбайского, «Похождения Хилматуллина на маневрах» Амирова, «Штык» Ильяса, ряд стихотворений и поэм А. Турея, «Последний бой» Л. Гумирова, стихотворения Г. Тагира, произведения Кави-Надеми, Усманова и др. Самитов, Анли, А. Тагей, Амиров написали кроме того ряд очерков о героях-красноармейцах, об ударниках-пулеметчиках. Из кружковцев выделился ряд товарищей, произведения которых печатаются в журнале «Атака», в сборниках (выпуск альманаха «Штурм», «Маневр»), и в литературных газетах «Кзыларметец». Товарищи эти: Зарипов, Гизатт, Исхук, Хамитов, Гулумкаев, Фаршатов, Ибрагимов, Ярмеев, Харис, Камачев, Зулькарнай... ТатЛОКАФ ведет работу не только на территории Татарской республики, он охватывает своим руководством несколько литкружков в татарских частях Красной армии, находящихся на территории Белоруссии, Средней Азии.

Магнитогорск (клея ГрузАПП) — над пьесой «Грезоа», А. Кутателя — над повестью о каменщиках Красной армии, Гвахадзе — над очерком о лагерях, Цвецава — над повестью о бойцах сталинской дивизии, Болумордвинова — над повестью о командирах Красной армии.

На национальных объединениях ЛОКАФ отстает БелЛОКАФ.

ЛОКАФ приступил к работе и в ряде других национальных республик: в Молдавской республике, в Чувашии, в среднеазиатских республиках, в Башкирии.

ЛОКАФ работает также над подключением в свои ряды революционных писателей других стран. В журнале «ЛОКАФ» уже были напечатаны произведения Б. Иллеша, А. Гидаша (Венгрия), Сокулата (Япония), Кахана (Румыния), Кана (Германия), начался печатанием романа Гергеля (Венгрия) «Что-то готовится». Переведен на иностранные языки сборник лучших произведений локафовских писателей о современной Красной армии.

Самым слабым участком в работе ЛОКАФ является критика. Но и на этом участке можно проследить некоторое собрание локафовских сил. Книга Свирина «Литература и война» дает ряд критических статей о книгах с военной тематикой.

Локафовская критика разоблачила такие произведения, как «Глаз урагана» Воронского, пацифистские книги «Гибель» Розенфельда и «Вошка в тылу» Сальна. Она разоблачила чуждую нам книгу «Всеволод» Федотова, красную халтуру «Это будет» Толстого и Сухотина, клеветническую книгу «Краснофлотцы» Г. Куклина.

Своими успехами ЛОКАФ обязан прежде всего общим успехам социалистического строительства, культурному подъему рабочего класса, укреплению Красной армии. Своими успехами он обязан также правильной политической линии руководителя ЛОКАФ, боровшегося на два фронта — линию партии в области художественной литературы, против опошления, вырождения, перерождения, краснофлотства, красной халтуры, против литфронтовщины, лакировки, схематизма. Своими успехами он обязан также самой организационной структуре ЛОКАФ как структуре своеобразной литературно - производственной организации. Со всей решительностью следует подчеркнуть, что ЛОКАФ является не просто тематической творческой группой. **ЛОКАФ есть боевая литературно-политическая организация, мобилизующая художественную литературу на службу обороне СССР — слуга и база широкой пролетарской литературы.**

3

XVII партконференция, подведя итоги строительству социализма за истекший период, поставила перед страной грандиозные задачи осуществления второй пятилетки.

Успехи первой пятилетки решили ленинский вопрос «кто кого» внутри страны. Тем с большей силой заострился вопрос «кто кого» на международной арене. С необычайной силой вырастает угроза военного нападения на СССР. Рабочий класс СССР помнит о своих международных обязательствах. ЛОКАФ должен подготовить пролетарских, советских и международных революционных писателей к грядущим военным столкновением между капитализмом и социализмом.

4

В свете этих великих задач успехи ЛОКАФ явно недостаточны.

Классовая направленность, партийность, четкое понимание ленинского учения о пролетарской революции и войне — важнейшее условие боеспособности художественной локафовской книги, на оборонную тему, ибо армия — особенно чуткий и важный инструмент пролетарской диктатуры. За последнее время мы имеем на участке оборонной литературы ряд идеологических прорывов, свидетельствующих о недостаточной классовой бдительности локафовских организаций. ЛОКАФ не выступил своевременно против неправильного и политически ошибочного произведения Д. Бедного «Что же дальше» о событиях в Манчжурии. Мы пропустили разнузданную повесть Лидовского «Четыре сабли», печатающуюся в «Красной нови». Мы не выступили до сих пор с развернутой критикой пацифистских и люксембургианских взлядов в западноевропейской литературе. Ряд наших организаций под своей маркой издал некоторые чуждые нам произведения. Так, УкрЛОКАФ выпустил в «Библиотечке ЛОКАФ» книжку Мих. Дынного «Кровь из снегу», в которой механицизм романтизируется, а «Яблочко» воспевается как «символ мирового Октября», повесть Кальницкого «Сын полка» (контрреволюционная халтура) и «Песни Красной армии» О. Слинко, которые списаны по подражанию старым меланхолическим мотивам малороссийского эпигонства. До сих пор не разоблачена повесть Кобеца «Записки полевого», рисующая империалистическую войну в духе толстовского «непротивления злу». Не разоблачено реакционное влияние в романе Тарасова «Окоп».

Борьба с чуждыми классовыми влияниями в художественной литературе, борьба с правой опасностью на литературном фронте, которая попрежнему остается главной опасностью, является важнейшей задачей локафовской критики. Мы уже имеем кое-где попытки разоблачить, близких к буржуазной агентуре в литературе, использовать трибуну советской художественной литературы через ЛОКАФ. Поэтому фашистской и социал-фашистской военной художественной литературе и империалистических стран мы должны противопоставлять батальоны революционных художественных произведений. Мы должны показать в художественных формах исключительное историческое богатство великих учителей социализма — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Мы должны в художественных образах показать ряд важнейших проблем мировой пролетарской революции. Социал-фашизм, пацифизм, контрреволюционный троцкизм как орудия подготовки войн против СССР и против угнетенных народов и художественных форм до сих пор в достаточной мере в художественной литературе не разоблачены. У нас крайне мало художественных произведений, по-ленински рисующих великую, героическую борьбу угнетенных народов с империализмом. Это первоочередная задача литературы советской страны, стоящей на рубеже капиталистического Запада и поднимающегося Востока, страны, уже имеющей опыт победоносной борьбы против мирового империализма, борьбы, в которой большевистский лозунг национального самоопределения играл величайшую роль. Много ли у нас произведений, показывающих международное революционное значение социалистического строительства в СССР? Много ли у нас художественных произведений, связывающих строительство «Гидроцентрали», «Сотни», «Днепростроя» и всяких других «строек» совхозов и колхозов с борьбой международного пролетариата и угнетенных народов против империализма, рассматривающих эти проблемы под углом зрения борьбы двух систем, под углом зрения вопрос «кто кого» на международной арене?

Такие произведения должны быть созданы ЛОКАФ. Издание идейного двухмесячника советских писателей, работающих в ЛОКАФ, — необходимейшее условие успеха.

Следует обратить внимание на то, что опыт героической борьбы Дальневосточной армии до сих пор не нашел своего художественного воплощения. Нет произведений, рисующих наше большевистское представление о будущей войне, которая неминуемо завершится мировой пролетарской революцией.

Все сказанное характеризует глубину отставания оборонной литературы от задач нашей эпохи.

Лозунг «создать Магнитострой художественной литературы» означает также упорную борьбу за высокое художественное качество. Журнал «ЛОКАФ» недостаточно боролся за художественное качество печатаемого материала. В рядах ЛОКАФ много места провозглашение ухватки «центральной фигурой пролетарской литературы» уже за нашим углом. Есть, наконец, ряд критических статей, наблюдающих необходимость на конкретных примерах бороться за высокое художественное качество.

Высокий идейный и художественный уровень критики, ее классовая бдительность и большевистская непримиримость — важнейшее условие для успешного разрешения стоящих перед ЛОКАФ задач. Только Ленинград более или менее удовлетворительно справился с задачей организации работы критической секции при ЛИЯ ЛОКА. В Москве попытка организации критической секции при ЛИЯ Комакадемии позорно провалилась. В последние месяцы начала налаживаться работа критического кружка при МосЛОКАФ.

Конкретная критика — есть то основное звено, за которое мы должны ухватиться со всей большевистской настойчивостью. Мы еще не охватываем критикой значительного большинства произведений на оборонные темы. Ближайший год даст много произведений на локафовские темы. ЛОКАФ должен встретить появление новых книг во всеоружии марксистско-ленинской критики. РАПП и ВОАПП должны в свою очередь мобилизовать ряды пролетарских критиков. Создание оборонной литературы, имеющей международное значение, не может быть делом только ЛОКАФ.

Призыв ударников в литературу в Красной армии прошел с немалым успехом. Тысячи товарищей бойцов Красной армии вошли в ряды литкружков. В результате призыва ЛОКАФ стал массовой боевой литературной организацией. Ударниками-пролетариями обсуждаются многие сотни произведений, на местах выпущено значительное количество сборников. Ударник уверенно завоевывает свое место и на страницах локафовских, советских и пролетарских художественных журналов.

Руководство этой областью работы ЛОКАФ наиболее хромает. Мы до сих пор не сумели выполнить директивы первого пленума о создании новой программы для литкружков, не говоря уже об учебных пособиях. Мы почти ничего не сделали для мобилизации и подбора кружководов в частях. Очень слабо обстоит дело с помощью творчеству ударников.

Пленум должен заострить внимание на работе с ударниками, подвергнуть суровой самокритике эту область работы.

На основе широко развернутой самокритики, на основе творческой дискуссии, под знаменем великих задач, которые ставит перед собой пролетариат, завершающий построение социализма, под знаменем задач грядущей мировой пролетарской революции пройдет второй расширенный пленум ЛОКАФ. Под руководством партии ЛОКАФ станет подлинно боевым, подлинно действенным орудием в борьбе за победу мирового Октября.

В ПОМОЩЬ ЖЕНЕВСКИМ ЛИЦЕМЕРАМ

ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАШИСТЫ „НА СТРАЖЕ" МИРА

РОМЕН РОЛЛАН ДАЕТ ПОЩЕЧИНУ ЛИГЕ НАЦИЙ

Чтобы замаскировать свою политику провокации войны и террора, в частности, в отношении пролетарской революционной литературы, фашистская Польша не нашла ничего лучше, как внести через свою секцию Пен-клуба предложение в Лигу наций об учреждении ежегодной премии в 100.000 франков за литературное произведение, отражающее «идеи морального и интеллектуального сотрудничества и всеобщего благополучия».

Недавние бесчисленные аресты польских писателей и зверская расправа с заключенными революционными писателями в луцкой тюрьме дают достаточное представление о том, как польский фашизм осуществляет эти «идеи».

Но в период жесточайшего экономического кризиса и банкротства самых солидных европейских международных организаций премия в 100.000 франков показалась весьма соблазнительной.

В ответ на анкету, разосланную газетой «Литературия Польша», мы находим приветственные отклики всех так называемых «знаменитых» европейских писателей и либеральных пацифистов, помышляющих использовать это предложение для пропаганды социал-фашизма и новой интервенции.

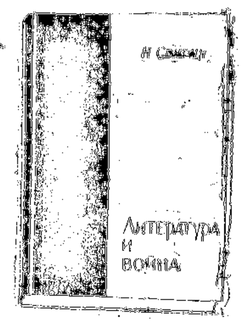
Так, например, известный романист, редактор «Аксион Франсез» Шарль Морас пишет: «Извините меня, но я голосую за Св. Фому Аквинского». Среди писателей, присоединившихся к идее «Литературной Польши», мы находим имена: Жерма Дюамеля, Лан Дюртена, графа Кайзерлинга, Томаса Манна, Мэрлеа Метерлинка и т. д.

Единственный ответ, который в достойной и четкой форме отразил все лицемерие этого начинания,—это ответ РОМЕН РОЛЛАНА:

«Я, к сожалению, не могу присоединиться к вашей инициативе по учреждению литературной премии, связанной с Лигой наций. Я не признаю никакого моального авторитета за этой Лигой, которая носит узурпированное имя, поскольку она фактически является лишь ассоциацией для защиты интересов отдельных крупных государств и их клиентуры. Ей никак не подстать быть судьей художественного творчества или человеческой мысли, понятие независимой».

ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА

О КНИГЕ т. Н. СВИРИНА



1

За последний год, с организацией литературного объединения Красной армии и флота, призванного бороться за ликвидацию этого отставания, наметился некоторый, но далеко еще недостаточный поворот внимания советской художественной литературы к вопросам обороны. Особо должно быть отмечено, что наряду с выходом в свет нескольких десятков произведений на оборонные темы мы имеем элементы образования локафовской критики, борющейся за высокое идейное содержание и художественное качество оборонной литературы. Н. Свирин принадлежит к числу «старейшин» организаторов молодого локафовского движения и первых его критиков.

К сборнику критических статей «Литература и война», вышедшему в конце прошлого года, заключен обобщенный опыт локафовского движения, намечены творческие пути ЛОКАФ, подвергнуты критическому анализу основные, наиболее значительные произведения оборонной литературы, изданные до сдачи сборника в печать.

В статье «Литература и война» Свирин правильно отмечает «глубочайшее принципиальное различие в содержании и целях нашей и буржуазной пропаганды».

Формулируя задачи оборонной литературы, т. Свирин пишет: «Разоблачить «тайну рождения войны», сорвать пацифистскую маску с эскалационной мерзы империализма, не допустить позорной бойни; организовать трудящихся всего земного шара на защиту СССР; разгромить лживую мирную политику; развить классовую на Красную армию; сделать все для укрепления ее боеспособности». В другом месте к этому добавляется и задача способствовать превращению империалистической войны против Советского союза в гражданскую войну против капиталистического государства, превратить нападение на Советскую страну в последнюю судорогу издыхающего капитализма.

2

Определив ЛОКАФ как «об'единение двух встретных волн — гражданских и военных писателей», т. Свирин тут же совершенно правильно констатирует, что ЛОКАФ не является «бесформенным коллекторатором, механическим соединением всевозможных литературных течений». Объединив представителей различных литературных организаций, ЛОКАФ «имеет определенную литературно-политическую линию. Этой линией может быть только литературно-политическая линия партии, в основном правильно проводимая РАПП».

Идейные установки РАПП определяют в основном взгляды т. Свирина на творческий метод оборонной литературы.

Расшифровывая эти общие установки, т. Свирин подвергает конкретному критическому анализу целый ряд произведений литературного молодняка Красной армии: книгу Цебаха «С винтовкой и книгой», «Бригадную рощу» С. Михайлова, «Юшку» Сальна, «Возврат все вдруг» Колбасеева и, наконец, пьесу Вишневского «Первая конная». Таким образом, критической оценкой охвачен и напутственный поток военной литературы, и творчество начинающих красноармейских писателей, и, наконец, произведения уже более или менее окрепших пролетарских писателей. Боевой отпор получила в «Литературе и войне» классовая чуждая повесть Кукушкина «Кратковременники», содержащая ряд классово-враждебных выпадов против Красной армии и являющаяся типичным образчиком троцкистской контрабанды в художественной литературе.

Критические оценки, данные т. Свириным, проникнуты духом боевой партийности и классовой направленности.

Свирин клеймит острие своего критического оружия против схематизма, упрощенчества, лакировки и штиля в показе Красной армии, против эмпиризма, мелкотравчатости, поверхностного подхода к явлениям ее жизни и работы. Молодого красноармейского писателя, перестраивающегося получчика он учит видеть и Красной армии самое главное — ее классовую сущность и интернациональный характер, ее неразрывную связь с трудящимися в активное участие в жизни страны, классовую однородность рядового и командного состава, сознательную революционную дисциплину и огромную партийно-политическую работу в армии — то, что отличает нашу армию, рабоче-крестьянскую по составу, пролетарскую по классовому назначению, от всех армий, известных история человечества.

Писателя, занимающегося оборонной тематикой, автор «Литературы и войны» предостерегает от фальшивой барабанной трескотни, ура-патриотического «шапкозакидательства» и от безнадежного, пессимистического подхода. «Давая ремизу, беспощадный отпор каждой попытке исказить и извратить сущность нашей армии, мы в то же время выступаем против замалчивания тех недочетов, которые имеются в Красной казарме. Красная армия — превосходно здоровый и боеспособный организм. Но отдельные нездоровые явления у нас, несомненно, имеются, и надо их показать, но показать как грудность роста». «Основное заключается в том, чтобы в каждом явлении рассмотреть борьбу противоречивых тенденций, показать классовые корни этих тенденций, правильно наметить ведущую силу и исход борьбы между ними, уметь показать все жизненные формы борьбы».

Те же требования классовой заостренности и диалектического подхода предъявляет Свирин и к раскрытию писателем внутреннего мира, психики его героев.

Трудности, встающие перед военным писателем, чрезвычайно велики. Подробно и тщательно анализируя пути преодоления этих трудностей, Свирин настойчиво указывает, что «лишь писатель, вооруженный марксистским мировоззрением, глубоко изучивший армию и овладевший арсеналом усовершенствованных литературно - технических средств, может рассчитывать на успех и победу».

3

Данная и нужная книга т. Свирина не свободна, к сожалению, от ряда существенных ошибок, отражающих неправильной нами литературные установки в вопросах творческой методики. Неопределенное влияние литфронтовщины создает глубокие противоречия в самой книге. Правильно сигнализируя писателю опасность помпезной декламации, мелодраматического романтизма, схематического, поверхностного и абстрактного подхода к явлениям и недостаточно за «активной действенностью» героев, т. е. всего того, что является характернейшими чертами литфронтовской методологии, т. Свирин в то же время некритически преподносит творческий метод Вишневского в «Первой конной», выдавая его за «философию революционного действия, решительного, большевистского преодоления всех и всяческих препятствий». Между тем при всех ее несомненных достоинствах «Первая конная» грешит как раз элементами мелкобуржуазного активизма, в жертву которым кое-где приносится углубленный психологический анализ явлений действительности, анализ диалектико-материалистический и классово-заостренный.

Борьба «за повышение действенной, революционной функции искусства... с объективистскими, пассивно - созерцательными тенденциями», оторвавшая от борьбы за глубокий анализ диалектических явлений жизни, от борьбы за качественное повышение мировоззренческого уровня писателя, приводит, как правильно и сам т. Свирин в письме в редакцию журнала «ЛОКАФ», к «скатыванию на позиции мелкобуржуазного эклектизма».

Эта основная ошибка определяет и некоторые другие, допущенные автором «Литературы и войны». В уже упомянутом письме в редакцию «ЛОКАФ» т. Свирин указывает на попытку объяснить отдельные недостатки произведения из избранного писателем жанра, а не из его творческого метода, как это сделано в статье о «Бригадной роще»: признается и ошибка в статье «Тень пронзого», отражающая те установки «Литфронта», которые «запрещали» пролетарскому писателю раскрывать психологию классового врага, ибо такое раскрытие может якобы привлечь симпатии читателя к носителю этой классово-враждебной психологии, «очеловечило» его образ.

Таким образом, т. Свирин сам в достаточной степени резко квалифицирует свои ошибки, и в своей практической работе критика настойчиво борется с рецидивами литфронтовщины в военной литературе (см., например, статью «Творческие пути ЛОКАФ» в № 12 журнала «ЛОКАФ»). Мы подчеркиваем эти правильные автором ошибочными высказывания именно потому, что в очищением критическими взглядами Свирина совпадают с правильной линией марксистско-ленинской критики. Требования величайшей бдительности к проявлениям вороновщины и перерождения, с одной стороны, к литфронтовским лозунгам затишья, с другой, особенно должны быть подчеркнуты теперь, когда [illegible] факты проникновения в литературу о войне и армии элементов троцкистской контрабанды (вслед за Т. Куклиным — федотовские «Военкоры») и замаскированной «красной халтуры», вроде «Это будет» А. Толстого и Сухотина.

На других ошибок «Литературы и войны»—заслуживает быть отмеченной неправильная оценка т. Свириным «Бригадной рощи» С. Михайлова.

В правильной и политически заостренной статье о «Юшке» должна быть отмечена некоторая недооценка пацифистских тенденций произведения, явно намечающихся уже в первой книге Л. Сальна и получивших широкое развитие в повести «Юшка в тылу».

*

«Литература и война», несомненно, крупный шаг вперед, по пути развития локафовской критики. Она свидетельствует об идейном росте локафовского движения, об огромных возможностях оборонной литературы.

ЛЕВ СУБ.

ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИРЖА В БЕРЛИНЕ

ДОКЛАД МИХ. ЧУМАНДРИНА О ПОЕЗДКЕ В ГЕРМАНИЮ

Доклад, вернувшегося из-за границы Мих. Чумандрина о сегодняшней Германии собрал многолюдную писательскую аудиторию. Докладчик «сверхроман» не только наблюдениями, документами, впечатлениями. Свой рассказ он прерывал цитатами из книги Бориса Кушнера «103 дня на Западе», разоблачая на материале своих наблюдений и изучения Германии буржуазную сущность лефовщика; фактовым заседал перед Б. Кушнером классовую сущность, смысл явлений, ценил к извращению действительности.

Маленький, но яркий пример: Кушнер в своей книге утверждает культурность немецкого рабочего распространенностью велосипеда. Немецкие товарищи, как рассказывает Мих. Чумандрин, возмущались таким выводом писателя.—Мы пользуемся велосипедом потому,— говорят они,— что трата на автобусы и трамваи непосильна для наших бюджетов...

Проезд на автобусах и трамваях слишком дорог для немецкого рабочего и служащего. Они загружены только на 25—30 процентов. Поезда дальнего следования мчатся со станции на станцию с почти пустыми вагонами. Пустые магазины с отдельными нищих, жадных покупок. Пустые кафе, театры, кино, музеи... Пустующие цеха заводов, пустынные порты—и переполненные биржи труда, залы революционных митингов...

«Литературные вопросы», затронутые т. Чумандриным, вылились из яркой и сильной картины, нарисованной писателем, картины кризиса, охватившего Запад. И «литературная биржа» в Берлине, о которой рассказал М. Чумандрин, — замечательная иллюстрация к положению писателя на Западе, иллюстрация «западной культуры».

Берлинская биржа, настоящая биржа, на которой продаются и покупаются ценные бумаги, наглухо закрыта, но в одном из полуразрушенных кафе на Фридрихштрассе открылась другая биржа: биржа литературная, на которой два раза в неделю собираются продавцы литературного материала.

— Предлагаю стихи. Кому нужны стихи? Рассказ в 45.000 печатных знаков кто берет? Имею драму. Комедией способны заинтересоваться? Очерки кому нужны, кто спрашивает очерки? Имею очерки о моде, о женской красоте, о породах собак, о нравах золотых рыбок. Научно-популярная литература в разнообразном выборе — кто интересуется?

За отдельным столиком сидит на литературной бирже господин, над головой которого висит следующий плакат:

«Заказывайте романы.

Немецкий писатель с мировым именем предлагает свои услуги по сочинению романа на заказ. Гарантируются художественная форма на основе сообщенных заказчиком данных о себе или воспоминаний о ком-либо другом.

Закажите себе роман. Это будет лучшим подарком вашей семье к празднику Р. Х. Ваши родные и близкие проведут счастливые часы, читая роман из вашей жизни.

Цена — в зависимости от количества страниц».

Берлинские художники собираются в свою очередь открыть в соседнем кафе на той же Фридрихштрассе художественную биржу. Временная маленькая биржа, своего рода «кулиса», уже образовалась в одном из кафе в западной части города. В особой комнате там сидят со своими мольбертами портретисты. На улице по всему фасаду кафе бежит красно расписная лента на холсте, на которой изображено:

«Берлинец, Зайди и закажи художнику свой портрет. Это тебе обойдется дешевле, чем фотография»...

Надо отметить, что вследствие низкой покупательской способности спрос на картины крайне ничтожен. Так, например, в знаменитом городе художников—Дрездене—за год продано всего... 6 картин. Безработным художникам городское самоуправление вынуждено выдавать пособия... картофелем и мукой...

*

Мих. Чумандрин сейчас работает над очерками о Германии. Они будут печататься в ленинградских журналах.

Р.

ПЛОХО ПОНИМАЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ВССП в ЛЕНИНГРАДЕ

Декларативные высказывания Н. Чуковского, который открыл прения и заявил, что он будет говорить об ошибках «Серапионовой бригады», едва ли можно признать самокритическим выступлением.

Вместо развернутого анализа литературно-политических ошибок авторов «Союза пятерых», вместо политической квалификации этих ошибок, Н. Чуковский предпочел сослаться на «молодость» писателей (!), на «творческое несовершеннолетие».

— Над чем сейчас должен задуматься писатель?—спрашивает С. Спасский.—Прежде всего, он должен учитывать читателя. Писатель, который не повернулся лицом к новой рабочей аудитории,—этот писатель обречен на прозябание. И из этого положения вытекает вторая задача: обратиться лицом к читателю; это значит обратить внимание на тематику в своем произведении. Сейчас в литературе имеются центральные темы и темы боковые, т. е. темы, которые отделяют от читателя. Центральная тема—это работа над новыми человеческими взаимоотношениями, образующимися на производстве.

У меня еще есть отставание: например, я еще работаю над боковыми темами. Но я не буду выдавать векселя, что в следующих произведениях мы целую стоящие перед нами задачи.

Обвинения в перевальских уклонах С. Спасский отрицает. Указание на то, что героя «Новогодней ночи»—белогвардейца он дал в привлекательном виде, вызывая к нему сочувствие, С. Спасский опровергает контробвинением в том, что такая критика... антифронтовщина (!), она призывает писателя к «лакировке».

Мои первая книга «Кратковременники»,— отмечает т. Куклин,—сознала мне облик классового врага. Та рубашка, которая одета на меня некоторыми критиками, сбрасывается мною, она

* Детально см. в «Л. С.» от 23/I—32 г.

порядком ободрала бока. Но вместе с тем крупные политически ошибки в моих военных произведениях надо признать. Но когда говорят о моих вещах, говорят не как об ошибках, а как о клевете.—Против этого Куклин протестует. Он считает причиной его «ошибок» то, что он пишет «о военных вещах по-штатски».

— Мне бросили обвинение,—говорит Куклин,—что я пишу о нашей армии так же, как писал Куприн об армии царской. Обвинение это вераее. Моя ошибка в том, что я чеки армейское заходское (?), а не настоящую Красную армию, готовящуюся к грядущим боям.

Следующий оратор Л. Борисов, отвечая на критику книги «Работы», данную С. Спасским, выступает с безответственным «обвинением» всего союза советских писателей в политической безграмотности.

— Я взял на себя трудную задачу,— заключает Л. Борисов,—я... не боялся на новостройки. Как материалы для своего творчества я взял себе, свою личную перестройку!!

Заслуживает внимания интересное выступление Г. Сорокина, резко выступившего против заметивших на собрании настроений, что будто докладчик на дискуссии—обвинитель, а писатели должны защищаться. «Это,—заявляет Г. Сорокин,—болотные настроения, они снижают уровень дискуссии. Наша творческая дискуссия не может быть рассматриваема как либеральная беседа за чайной чаю.

Критику ошибок своей книги «Примечания к судьбе» Г. Сорокин обобщает с критикой ряда произведений «подучников второго призыва».

— Я прочитал целый ряд произведений молодых писателей,—говорит Г. Сорокин.— Что связывает эти произведения? Отвратительное понимание событий, полная оторванность психологии героя от общественной среды, идеализм, к этому издевательскому методу примыкает и теория непосредственных впечатлений. Но ведь задача писателя не фотографировать факты, впечатления, а производить сознательный отбор—с этого момента и начинается сознательное творчество.

Вторичное развернутое выступление Ю. Берзина снять сколок к выпадам против критики.

Говоря о своей книге «Конец 9-го полка», Ю. Берзин указывает, что в этом произведении «показаны не те предатели, которых мы привыкли описывать с позиции об инженерно-технической интеллигенции (??). Мои герои—это наемные убийцы, авантюристы без политической программы (?). Моя ошибка заключается в том, что, показывая их на стройке, я не противопоставил им живые силы строительства.

— Я знаю,—заключает Ю. Берзин,—что так писать нельзя, но как писать, мы не знаем, прислушиваться к критике нельзя, критика еще больше опибается.

После т. Гатуба (ЛОКАФ), остановившегося, главным образом, на «Шторе» Г. Куклина и И. Оксенова, не воспользовавшегося аудиторией для разбора собственных ошибок, но сделавшего ряд новых ошибок в разборе отдельных произведений, было предоставлено заключительное слово Зел. Штейнману. На этот раз он выступил более обоснованно и по существу дискуссии, подробно разобрав и правильно раскритиковав выступления Спасского, Берзина, Борисова, Куклина, Оксенова и др. Закрытая дискуссионное собрание, М. Козаков, резюмируя выступления, между прочим остановился и на выступлении Борисова, квалифицируя его как глубоко ошибочное, принципиально и неисправимое. Итоги дискуссии в ближайшие дни будут обсуждены на заседании правления ЗО ВССП.

Б. РЕСТ

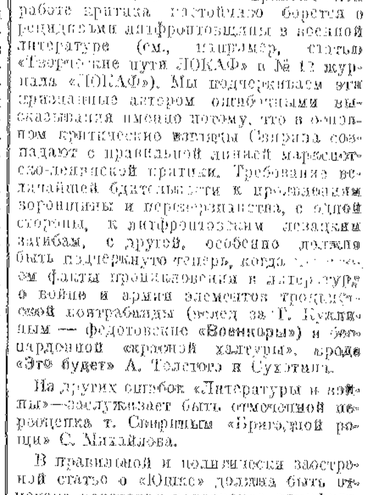
СМОТР ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖНЫХ КРАСНОАРМЕЙСКИХ ПОСТОВ

Последние два года отмечены значительным творческим ростом молодежных красноармейских постов-ударников. Уже сейчас в МосЛОКАФ выявлены молодые поэтические кадры: Кудряшев, Лимарев, Шеретнев, Морозов, Долин и др. МосЛОКАФ приступил к творческому смотру молодежных красноармейских писателей и поэтов-локафовцев. На собраниях центрального красноармейской литгруппы «Красное знамя» уже обсуждены произведения поэтов М. Головина, красноармейца Лимарева, курсанта военно-инженерной школы Обова.

Поэма поэма Головина «Агитатор» показывает положительных героев-ударников красноармейских будней. Имея ряд положительных моментов, поэма «Агитатор» тем не менее, страдает недочетами. У героя поэмы Травина—элементы личного преобладают над общественным. В поэме много недоработанных мест.

Перед поэтами ЛОКАФ надо серьезно поставить вопрос о литературно-политической учебе. Надо добиться большей идейной насыщенности произведений. Красноармейские молодежные поэты должны поставить свое творчество на службу задачам боевой подготовки РККА. Об этом говорили выступавшие в прениях писатели МосЛОКАФ и красноармейцы-ударники.

Красноармейские поэты Лимарев и Обов, чьи произведения были подвергнуты конкретной критике, в своих выступлениях заявили, что они примут все критические замечания товарищей к сведению и будут серьезно работать над материалом, повышая свой идейный и художественный уровень.



ВВЕРХУ — Дешевых, Лимарев
ВНИЗУ — Кулешов, Морозов

ПИСАТЕЛИ ЛОКАФ К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ РККА

Ряд писателей, включившихся в творческую мобилизацию ЛОКАФ, работает над произведениями, посвященными Красной армии и флоту. Эти произведения будут изданы в серии военно-художественной литературы ГИХЛ к пятнадцатой годовщине Красной армии.

❖ А. ЖИВОЙ-ПРИЙОН заканчивает роман «ЗАРЕВА» о русско-японской войне 1905 г. Приступает к работе над повестью из жизни современного Красного флота.

❖ РАИСА АЗАРХ работает над романом, в котором будет отражена гражданская война в Сибири в 1919 г. и будет показана любовь красноармейца к сестре милосердия Красной армии в социалистической стройке Сибири.

❖ МАРК ТАРАС заканчивает книгу «ЗАМЕТЫ НОЯБРЯ-МАЯ» (интервенция, мелкие и гражданская война).

❖ ВС. ВИШНЕВСКИЙ работает над эпопеей «ВОЙНА».

❖ С. МСТИСЛАВСКИЙ работает над романом «ПЕРВЫЙ ГОД», в котором будет показан первый год империалистической войны и войны гражданской. Роман даст описание четырех армий: царской, германской, добровольческой и Красной армии в период их формирования.

❖ А. МАЛЫШКИН работает над романом «КРАСНОФЛОТЦЫ».

❖ В. ЛУГОВСКОЙ работает над книгой стихов «КРАСНАЯ АРМИЯ».

❖ М. ГОЛОДНЫЙ пишет поэму «ОГОНЬ НАЗНАЧЕНИЯ».

❖ С. ВИШНЕВЕЦКИЙ работает над книгой новелл о Красной армии.

❖ В. ЛУГОВСКОЙ работает над циклом стихов «ПОЭТ ЖЕЛЕЗНОЙ ПРОЛЕТАРИИ», посвященных Красной армии и развитию гражданской войны и мирного строительства.

❖ Л. ДАВЫДОВ работает над продолжением романа «ЦАРЬ-ГОРОД МИЛЛИОНОВ». Книга написана и переведена на украинский язык.

❖ Л. СЛАВИН работает над романом о продуктивной интервенции в Одессе в 1919 г.

❖ Татарский писатель т. УМИТБАЕВ) заканчивает книгу о гражданской войне на Урале.

НА ВЕЧЕРАХ СМОТРА

РАБОЧИЕ ФАБРИКИ «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА» ОБСУЖДАЮТ ТВОРЧЕСТВО В. ГЕРАСИМОВОЙ

Книга Герасимовой «Панцырь и забрало» была подвергнута обстоятельной критической проработке на диспуте, организованном на фабрике «Парижская коммуна». Обсуждение проходило в атмосфере продуманной литературной критики. Почти все высказывания перекликались с докладом т. Бронмана в оценке основных достоинств и недостатков рассказов В. Герасимовой.

Интересная композиция, знание среды и психологии описываемых героев ставят книгу В. Герасимовой на значительный художественный уровень.

Основная проблема, поставленная во всех рассказах, проблема дифференциации представителей мелкой буржуазии в процессе перехода их на позиции пролетариата, чрезвычайно важна и действенна. Как же разрешается эта проблема автором? Ответ на этот вопрос может быть дан в основном положительный, но для этого необходимо проследить линию творческого устремления автора, начиная с одного из ранних ее рассказов «Сестры» и кончая позднейшим рассказом «Дальняя родственница». Ни в коем случае нельзя рассматривать с точки зрения полного разрешения проблемы каждый рассказ как самостоятельное произведение.

Существенным недостатком некоторых рассказов В. Герасимовой является недостаточный показ влияния рабочей общественности, способствующего переделке мелкобуржуазной психологии ее героев. Идейно-воспитательная работа, мощнейшее воздействие коммунистического руководства выпадает из рассказа «Сестры». Образ большевика Рязановой дан бледно и схематично (тт. Белецкая, Остров, Лерман). В ряде рассказов отрицательные типы обрисованы значительно ярче и выпуклее, чем положительные. Эпизодическая фигура Крамера («Дальняя родственница») дана в нескольких штрихах очень выразительно, вместе с тем образ Вари, занимающей более значительное место в рассказе, почти не сохраняется в памяти (Виноградова).

Большие споры вызвало разрешение автором проблемы разоблачения интеллигентства, приспособленчества перестроившихся интеллигентов.

«Отражение всех ... и ... масс с классовой правды — дело рабочего класса, и тот факт, что В. Герасимова представляет перестраивающуюся интеллигенцию [illegible] мелкой буржуазии, снижает роль пролетариата, объективно [illegible]» (тт. Лерман, Вайнерман).

— Но по существу, — говорит т. Бронман, — [illegible] интеллигенция, честно [illegible] в ряды рабочего класса, [illegible] стоит на позициях [illegible].

Далее т. Бронман подчеркнул, что перед В. Герасимовой необходимо поставить требование, чтобы в дальнейшем роль пролетарской общественности, [illegible] рабочего класса, под влиянием которого перестраивается мелкая буржуазия, нашли более яркое отражение в ее творчестве.

В прениях было отмечено также, что в некоторых рассказах сложна композиция и труден язык, что делает книгу не вполне доступной малоквалифицированному читателю (тт. Виноградова, Вайнерман).

Задача искусства является существенным массовым орудием классового врага, стремящегося проникнуть в ряды пролетариата, фиксирует внимание читателя на необходимости усиления классовой бдительности, необходимости внимательного и критического отношения к окружающим. Эта задача является одной из ведущих идей книги, делает ее нужной и актуальной на сегодняшний день.

По окончании прений автору предоставлено заключительное слово. Вносятся некоторые поправки, которые [illegible] товарищами по ряду отдельных моментов. В. Герасимова отмечает, что товарищеская критика, данная на этом вечере, поможет ей в дальнейшем искать ряд имеющихся в ее творчестве недочетов.

— Но, заявляет В. Герасимова, — ваше суждение о моей книге не является для меня непреложимой истиной?

«От года к году растет писатель, но растет и читатель. И я утверждаю, что сегодня многое в нашей критике проистекает из недостаточного понимания того, что много написано. Через год снова прочтут мою книгу, вы увидите ее в новом свете и многому, неправильно понятому сегодня, дадите другую оценку».

На это замечание В. Герасимовой в заключительном слове т. Бронман отметил, что весьма возможно, что через год по мере своего роста рабочая критика укажет автору на новые недостатки, которые сегодня остаются ею незамеченными.

Е. ПЕЛЬСОН

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ КОМСОМОЛА С ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

МК ВЛКСМ и МОПКП организовали 5 февраля в помещении Трама первый вечер встречи комсомола с пролетарско-колхозными писателями.

Секретарь МОПКП т. Стрельцов в своем вступительном слове отметил, что этот вечер должен послужить началом закрепления взаимной связи организации пролетарско-колхозных писателей с комсомолом и совместного проведения смотра пролетарско-колхозной литературы.

На вечере выступили пролетарско-колхозные писатели с чтением отрывков своих произведений: А. Чоротобчака, А. Деминов, Смеюшкин, Шухов, А. Бондарев, Ислобин. В заключение вечера состоялся спектакль театра рабочей молодежи «Тревога».

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ ОДНОГО ВЕЧЕРА

30 января бауманское райбюро МАПП и бауманский райком комсомола устроили вечер творчества поэта С. Щипачева. С. Щипачев поставил перед собой большую и ответственную задачу отобразить в своем творчестве оборонную тематику.

Но творчество поэта не лишено и недостатков. В целом ряде произведений С. Щипачева преобладают элементы естествующего любования («Весна и цвет»).

— Характерная черта в творчестве Щипачева,—как отметил в своем выступлении т. Киреев,—это любование мелкими деталями военного дела, отсутствие живых людей—красноармейцев и командиров.

Одного этого достаточно, чтобы судить о том, насколько полезным был бы для поэта его творческий вечер, будь этот вечер проведен правильно. Конкретная критика должна была дать поэту установку для дальнейшей его творческой работы, для его перестройки. Однако вечер не оправдал себя ни в какой степени. Организаторы вечера не удосужились предварительно ознакомить рабочих с произведениями С. Щипачева, и в результате—смотр был провален. Выступавшие товарищи совершенно не были знакомы с творчеством поэта.

Многие из выступавших вместо серьезной критики ограничивались «остротами». Многих, неудачно выступавших товарищей, аудитория поднимала на смех.

Неорганизованность вечера бросалась в глаза.

Смотр творчества С. Щипачева, проведенный бауманским райбюро МАПП и райкомом комсомола,—яркий образчик того, как не нужно устраивать подобные вечера.

С. ТЯГАЙ.

14 февраля, в 18 часов, в пом. редакции „Комсомольской правды" (М. Черкасский, дом 2) состоится об'единенное совещание редколлегий „Комсомольской правды" и „Литературной газеты" совместно с центральным штабом по смотру молодежной литературы.
Вход по пригласительным билетам

УРОКИ СОБЫТИЙ В УРАЛАПП
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА РАПП*

1. Борьба за социалистический Урало-Кузбасс, за вторую угольно-металлургическую базу на востоке, строительство гигантов социалистической индустрии и успехи социалистического строительства в деревне Урала и Кузбасса, происходящие в условиях обостренной классовой борьбы, возникновение на новостройках и в реконструируемых промышленных центрах мощных очагов культурной революции, социалистическая переделка вчерашних крестьян, отходников, новых рабочих, их превращение в сознательных бойцов за бесклассовое социалистическое общество — все это в далеко недостаточной степени привлекло к себе внимание всех советских писателей, в частности писателей пролетарских.

Создание большой литературы Урало-Кузбасса и об Урало-Кузбассе — дело чести всей РАПП.

2. Секретариат РАПП, несмотря на ряд проведенных им работ (посылка на Урал обследовательских и писательских бригад и отдельных товарищей и пр.), все же не уделял работе УралАПП того внимания, на какое уральская организация имеет все права как **одна из основных организаций РАПП.**

Органы печати РАПП не занимались (не считая отдельных статей) анализом творческой продукции УралАПП и не оказывали постоянной творческой помощи пролетарским писателям Урала.

3. Между тем **замкнуто-«столичный» период литературы** (Москва—Ленинград) **в связи с успехами культурной революции и перспективами второй пятилетки заканчивается. Возникают новые центры литературного движения.** Одним из таких центров является Урал.

Пролетарское литературное движение на Урале имеет огромные перспективы. Последний период работы УралАПП характеризуется приходом в движение новых кадров из среды рабочих-ударников и комсомола. Растут творческие кадры, складываются крепкие творческие коллективы в ряде районов Урала (Магнитогорск и пр.). Однако пролетарская литература Урала ни в какой степени не преодолела своего отставания от задач социалистического строительства.

Одной из важнейших причин такого отставания явилось то, что **руководство УралАПП не сумело возглавить движения, не поняло новых задач, стало тормозом в перестройке организации.**

Располагая всеми объективными данными для успешной работы, это руководство превратилось в бюрократический аппарат, обросший разбухшим штатом «освобожденных работников», начисто оторванный от практики социалистического строительства, препятствовавший выдвижению новых кадров, зажимавший самокритику, подменявший идейно-воспитательную работу рассылкой циркуляров. Руководство УралАПП не поняло предупреждения, данного ему в постановлении секретариата РАПП от 31/I 1931 г. не реализовало этого постановления. В результате оппортунистической практики и бюрократической системы руководства УралАПП распался ряд важных кружков.

Система **очковтирательства и оппортунизма** полностью вскрылась на пленуме правления УралАПП в январе 1932 г. На этом пленуме руководство УралАПП (доклад Н. Андреева) пыталось **дезориентировать** пролетписателей Урала, не сделав основных выводов из **письма т. Сталина,** не положив в основу своей работы решения V пленума правления РАПП, умалив **положительную роль комсомола** в последней литературной дискуссии и **умолчав о ряде прорывов** в работе УралАПП и об использовании отдельных звеньев последней (журналы, издательства) классово-враждебными пролетариату элементами. Руководство УралАПП пыталось не допустить обсуждения письма магнитогорских и лысьвенских товарищей с протестом против методов руководства УралАПП. Вмешательство Уралобкома ВКП(б), Уралобкома ВЛКСМ и комсомольской газеты «На смену» обеспечило здоровой части пленума, отстаивавшей решения V пленума правления РАПП, возможность смены старого руководства и создания нового руководства, способного по-большевистски бороться за партийную линию в литературе, проводимую РАПП.

Уроки событий в УралАПП должны быть использованы всеми организациями РАПП. Все кадры пролетлитературного движения проверяются сейчас на реализации решений V пленума правления РАПП.

4. Секретариат РАПП постановляет:

а) подтвердить решение секретариата УралАПП об исключении из РАПП б. отв. секретаря УралАПП Н. Андреева, автора троцкистского романа «Кирпичи обжигаются», обнаружившего в практике своей работы чуждость пролетарскому литературному движению;

б) вывести т. И. Панова, бывшего в последнее время членом секретариата УралАПП, несущего ответственность за положение и неверно информировавшего секретариат РАПП (см. решение секретариата РАПП о работе УралАПП, основанное на информации т. Панова и опубликованное в «На литпосту» № 24 за 1931 г.) из состава правления РАПП;

в) перед всероссийским с'ездом пролетарских писателей провести конференцию АПП Урало-Кузбасса;

... д) предложить «На литпосту» и «Росту» в ближайших номерах начать систематическое освещение творческой продукции и опыта работы УралАПП;

... ж) обратить внимание нового секретариата УралАПП на необходимость, выкорчевывая корни оппортунистической практики прежнего руководства, **усилить борьбу с «левацким» вульгаризаторством,** проявленным отдельными товарищами во время последнего пленума правления УралАПП;

и) поставить перед ФОСП вопрос о необходимости при посылке писательских бригад учитывать первоочередную важность поездок на Урал;

к) констатируя, что отдельные члены РАПП при поездке на Урал не связываются с местными АПП, отметить, что участие в работах местных организаций пролетписателей является элементарной обязанностью всякого члена РАПП. Впредь фамилии товарищей, проявляющих барское пренебрежение к работе местных групп пролетписателей, публиковать в печати;

л) **уроки событий в УралАПП проработать во всех рапповских организациях.**

* Печатается с сокращениями.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОМЕДЛЕНИЯ — ТОРМОЗ РОСТА...
НА КОНФЕРЕНЦИИ МОПКП

«Каждый день промедления в перестройке — тормоз в дальнейшем росте пролетарской литературы».

После выступления ЦО партии «Правда» по вопросам пролетарской литературы (статья т. Мехлиса) прошло свыше двух месяцев. Но между тем организация пролетарско-колхозных писателей до сих пор еще не извлекла всех уроков из последней литературной дискуссии между РАПП и комсомолом.

Впервые вопросы перестройки МОПКП были поставлены на III областной конференции.

С докладом о перестройке выступил секретарь МОПКП т. СТРЕЛЬЦОВ. Он подробно остановился на политическом, экономическом и культурном росте нашей страны за последнее время, на том, какое огромное значение для дальнейших путей имеют резолюции XVII партконференции.

Далее т. Стрельцов говорит, что большинство пролетарско-колхозных писателей не знает новых технических усовершенствований социалистической деревни. Необходимо отметить, что пролетарско-колхозные писатели стоят на значительно более низком уровне мировоззрения, чем пролетарские писатели. Вопрос творческой учебы имеет особенно большое значение для организации. Одновременно т. Стрельцов отмечает, что за последнее время организация имела известные достижения в смысле выдвижения писательских кадров (Пермитин, Шухов, Ислобин и др.).

Как на одну из дальнейших форм работы МОПКП докладчик указывает на предстоящий ряд производственных совещаний критиков, поэтов, прозаиков, драматургов.

Однако следует отметить, что т. Стрельцов в своем докладе уделил творческим вопросам все-таки недостаточное внимание: не осветил работы организации по творческому смотру молодежной литературы.

На это указал выступивший в прениях т. Е. Пермитин.

— Нам надо показать борьбу социалистической деревни, работу колхозной бригады, —говорит т. Е. Пермитин. —Пролетарско-колхозные писатели не только слабыми темпами проводят перестройку своей организации, но и недостаточное внимание уделяют перестройке РАПП (не приняли участия в работе критического совещания), а также в «Литературной газете», на совещании которой пролетарско-колхозные писатели почти не присутствовали.

Большинство из выступавших в прениях (тт. Замойский, Кувшин, Андрианов и др.) значительную часть своих выступлений уделили работе критического ядра организации, которое по существу бездействует, не занимается конкретной критикой. Нередко критика дает марксистски неверные оценки. Так, т. И. Осенний указывает на статьи И. Кувшина, М. Алексеева, которые печатались в журнале «ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ».

Не получают должной поддержки и творческие группировки, которых в настоящее время насчитывается семь. На этом вопросе останавливался ряд писателей.

Тов. Гиховский рассказал о том, что в рязанской организации увлеклись количественным призывом ударников.

В. Гиховский признает ряд своих ошибок, совершенных во время работы в литературе рязанского техникума. Останавливаясь на своем ошибочном рассказе [illegible], т. Гиховский заявляет, что у него «дыня двойственна» и поэтому в своей творческой практике он допускает много ошибок. Эту «двойственность» [illegible] вскрыть и обобщить для многих других пролетарско-колхозных писателей т. Федосеев.

На заключительном заседании конференции были произведены выборы руководящих органов организации. Секретариат МОПКП избран в составе: тт. Стрельцов (отв. секретарь), И. Шухов, Е. Пермитин, И. Астахов, Ошкин (МК ВЛКСМ), Киселев и Елисеев.

Кандидаты: Кулагин, Жуков, Незлобин, Козлов.

В ревизионную комиссию МОПКП избраны тт. Ильин, Шевролине, Кравицкая. Кандидаты: Осипов и Оренкин.

Л. АГ.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА
ПИСАТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССИИ

Избранная на всесоюзной конференции авторских обществ интернациональная делегация писателей в составе тт. АМАГЛОБЕЛИ, БУЗНИКАШВИЛИ, ВИШНИ, [illegible], ДНЕПРОВСКОГО, ЖЕНТИ и КАРНАУХА выезжала в Белоруссию для ознакомления с достижениями белорусского пролетариата в социалистическом строительстве, для обмена опытом культурно-национального строительства советских республик и установления постоянной связи между пролетарскими органами искусства народов СССР.

Делегация писателей ознакомилась с [illegible] достижениями белорусского пролетариата на фронте хозяйственного строительства и искусства и литературы.

Делегацию и представителей Белорусской АПП тт. ЛЫНЬКОВА, АЛЕКСАНДРОВИЧА, БАРАШКА и БЕНДЭ принял председатель Совнаркома БССР т. ГОЛОДЕД. В обстоятельной беседе предсовнаркома сообщил, что некоторые предприятия Белоруссии уже выполнили пятилетку, что не всем участкам пятилетка будет выполнена в четыре года и что по некоторым отраслям она будет перевыполнена.

Ознакомив делегацию с хозяйственным положением дореволюционной Белоруссии и теми достижениями, которых белорусский пролетариат добился за последние годы, т. Голодед рассказал об успехах культурного строительства в республике. В заключение он просил делегацию, чтобы представители пролетарских и советских писателей братских республик уделили больше внимания вопросам социалистического строительства Белоруссии, чтобы связь между пролетарскими и советскими писателями братских республик и советской Белоруссии была закреплена и превращена в постоянное общение.

Делегация приняла этот социалистический счет.

Делегация присутствовала на премьере 2-го Белорусского театра (пьеса пролетарского писателя Александровича «Напор»), выступила на конференции преподавателей в Гомеле с докладом о национальном культурном строительстве и приняла участие в ряде художественных выступлений совместно с БелАПП.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦС ЛОКАФ

11 февраля в клубе ФОСП открывается второй расширенный пленум ЦС ЛОКАФ. Пленум заслушает доклады: Л. ДЕГТЯРЕВА—«О РАБОТЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦС ЛОКАФ», МИХ. СУБОЦКОГО — «КРАСНАЯ АРМИЯ РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ», содоклады: И. ДАНИЛОВА (Москва), Р. МЕССЕР (Ленинград) —«О ТВОРЧЕСТВЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И КРАСНОФЛОТЦЕВ-УДАРНИКОВ». Пленум изберет новый совет и секретариат ЦС ЛОКАФ.

ЗАКОНЧЕН ВЫПУСК МАЛОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

ПРЕЗИДИУМ ВЦИК НАГРАДИЛ ПОЧЕТНЫМИ ГРАМОТАМИ Н. МЕЩЕРЯКОВА и Н. НАКОРЯКОВА

В конце 1931 г. Государственное словарно-энциклопедическое издательство закончило выпуск МАЛОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ. Это издание является первой законченной многотомной советской энциклопедией, рассчитанной на удовлетворение запросов массовых читателей — рабочих, колхозников и учащихся. МСЭ — первая в мире энциклопедия, в основу которой положена методология марксизма-ленинизма.

Подписка на МСЭ быстро достигла невиданных до сих пор размеров: свыше 300.000 подписчиков к весне 1931 г.

ПРЕЗИДИУМ ВЦИК НАГРАДИЛ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА МСЭ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА И ПРЕДПРАВЛЕНИЯ ГСЭИ Н. Н. НАКОРЯКОВА ПОЧЕТНЫМИ ГРАМОТАМИ.

Правление ОГИЗ, отмечая успешное завершение работ по выпуску МСЭ, со своей стороны вынесло благодарность тт. М. ВОЛЬФСОНУ и Д. ШЕЙНУ, работавшим бессменно в редакции МСЭ, всему коллективу работников редакции МСЭ, производственному сектору ГСЭИ и работникам 1-й типографии, принимавшим участие в осуществлении этого издания. Кроме того, отмечена работа центрального и местного аппарата Книгоцентра, доведшего подписку на МСЭ до 260.000.

Правление ОГИЗ предложило руководству ГСЭИ выделить из своих прибылей 1931 г. 10.000 РУБЛЕЙ для премирования.

ПРОФРАБОТУ—НА ПРОИЗВОДСТВО
ЦЕХЯЧЕЙКИ ГОРКОМА ПИСАТЕЛЕЙ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РЕОРГАНИЗОВАНЫ

Перестройка писательской профорганизации, проведенная в прошлом году, во многом себя оправдала. Не подлежит сомнению, что реорганизованный горком писателей работал гораздо [illegible], чем прошлый местком, с лучшими результатами. Проведено также немаловажное мероприятие, как разгрузка литературных организаций от ряда организационных работ материально-бытового порядка и передача этих функций горкому. Есть известные достижения, хотя и недостаточные, в деле улучшения жилищных условий писателей, постановки снабжения и т. д.

Принципиально оправдал себя и цеховой принцип об'единения членов горкома.

Однако практическая, главным образом идейно-творческая, работа цеховых профячеек, качество ее вызывают серьезные опасения. Цехячейки, существующие параллельно литературным творческим организациям в общесоюзном масштабе, [illegible], выполняют всего одинаковую с ними работу. Понятно, что в такой постановке производственно-творческой работы горкома нет нужды и при этом она неизбежно будет менее эффективной, чем в литорганизациях, работа которых целиком направлена на эти задачи. Другого же характера работы цехячеек при сохранении их положения быть не может, так как они оторваны от производства — издательства, редакций журнала и т. д.

Дело осложняется еще тем, что основные кадры творческие кадры — пролетарские писатели и наиболее близкие союзники и попутчики — в большинстве случаев пассивно участвуют в профработе [illegible]. Конечно, за это [illegible], но частично такое положение объясняется также и тем, что сегодняшняя [illegible] работа не удовлетворяет основное ядро писателей.

Как бы то ни было, но в результате этого кадры профактива писателей оставляют желать лучшего. Во главе цехячеек оказываются не лучшие, общественно авторитетные члены данного «цеха», а люди, не имеющие этих качеств, к тому же подчас и с весьма подмоченной литературно-политической репутацией. Так, во главе секции критиков оказался... В. Блюм!

Дело заходит и дальше. Создавшейся таким образом щелью очень [illegible] реакционные элементы. Так, в той же секции критиков [illegible] профработе такие «букеты» критических «китов», как: Переверзев, Эфрос, Лежнев и др. Они в результате [illegible] руководства секции [illegible] творческой ее работы! На собрание секции поручило воспитательную работу с кадрами критиков! Они будут обучать марксизму!

Факт симптоматичный.

Все это, вместе взятое, приводит нас к мысли, что нынешняя система цехячеек должна быть сломлена и реорганизована. Мы этим вовсе не хотим сказать, что цехячейки должны заниматься только материально-правовыми делами и не вести творческую работу. Наоборот! Но для этого необходимо подвести под нее реальную базу.

Какой должна быть эта база? По-нашему, это — конкретное производство. Общественно-политическую и творческую работу писательских профорганизаций нужно сосредоточить по издательствам и редакциям журналов. Там это будет реальная рабочая борьба за бумагу, за качественные показатели, за профмассы, помощь в перестройке издательств и т. д. Там люди будут проверяться и отбираться на конкретной производственной работе. Только на такой основе можно будет развить среди членов [illegible] ударничество и соревнование.

Где и как создать отделения горкома и как они будут работать — вопрос достаточно [illegible]. Понятно, что они должны быть [illegible], как сказано выше, обязательно прикреплены к определенному производству. К примеру: ячейка массовых журналов, [illegible] журналов, ГИХЛ, [illegible] и т. д. Подробно этим вопросом должно заняться ближайшее заседание горкома писателей, на котором мы и вносим наше предложение.

НАМ ПИШУТ

31 января в Краснопресненском райсовете состоялся вечер украинской советской культуры, посвященный 60-летию наркома УССР т. Скрыпника. Руководителем вечера после [illegible] доклада о деятельности т. Скрыпника преподнесли собравшимся несколько музыкальных номеров, ничего общего с украинской советской культурой не имеющих. Были продемонстрированы: «Малороссийский гопак» и песенки «Запорожец про Янтука». И это все. Очевидно, новая индустриальная Украина, проводящая сплошную коллективизацию, руководителям вечера представляется в виде доброй старой Малороссии.

АЛ. КОВИНЬКА

По сигналу «Литгазеты» о неблагополучии в Свердловской АПП (отсутствие связи с массами, совершенно неудовлетворительная кружковая учеба, никем не реализованные обязательства РАПП о призыве ударников [illegible]) Свердловская АПП забила тревогу. За этот период (с июня 1931 г.) количество ударников, призванных в литературу, увеличилось в три раза. При заводских предприятиях города созданы кружки, в местной газете и в журнале [illegible] начались [illegible] произведения ударников. В результате этого выявился ряд талантливых товарищей. Подготовляются сборники очерков и стихотворений об уральских [illegible] заводах, фабриках и колхозах. Литкружковцы выступают со своими произведениями по радио, в рабочих клубах, библиотеках, читальнях и т. д.

М. КИРЕЕВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи с докладом т. Динамова «Письмо т. Сталина и задачи фронта литературы» и статьей т. Анисимова «Буржуазная контрабанда под флагом западной критики» («Лит. газ.» за 16 января 1932 г.), считаю необходимым сделать следующее заявление.

В марте 1929 г. в журнале «Новый мир» была помещена моя статья о Жане Жироду. В этой статье я, вместо того чтобы дать развернутое разоблачение фашистских тенденций Жироду, объективно критиковал его реакционность, шовинизм, империализм и т. д. Неправильность этой оценки я сам осознал (хотя далеко не полностью) уже вскоре после напечатания статьи. Этим объясняется, что с того времени, т. е. с 1929 г., я не печатал ничего (за исключением нескольких рецензий) и занялся учебой.

Б. ПЕСИС

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

10 февраля — 19 ч. 45 м. — творческий смотр молодежной литературы. Обсуждение произведения Горбатова «Ячейка».

11 февраля — 19 ч. — собрание актива редакции журнала «Октябрь».

12 февраля — 18 ч. — С. И. Полозов — Диалектический материализм.

12 февраля — 19 ч. 45 м. — второй концерт из историко-социалистического цикла «Песни в быту классов в России XVII—XIX вв.

12 февраля — 19 ч. — курсы повышения писателей.

12 февраля — 20 ч. — П. С. Коган — теория романа.

13 февраля — 19 ч. 45 м. — продолжение доклада о «Патетической сонате».

14 февраля — 19 ч. 45 м. — 11-й декадник художественного чтения. М. С. Чуйко.

14 февраля — 19 ч. — вечер, посвященный заводу «Серп и молот» (принимают участие литературный сектор ГИХЛ совместно с ФОСП).

15 февраля — 19 ч. — Н. Н. Баранский — История классовой борьбы.

15 февраля — 20 ч. — П. С. Коган — Теория романа.

16 февраля — 19 ч. 45 м. — Диспут о спектакле Московского Художественного театра и Ленинградского госдрамы «Страх».

ИЗВЕЩЕНИЯ

13 февраля—в клубе ФОСП редколлегия МАПП по показу героев пятилетки и кабинет ударника МАПП устраивают вечер:

«Показ героев пятилетки в художественной литературе».

Вступительное слово—А. Фадеев. Доклад — И. Макарьев.

Участвуют в выступлениях партийные и комсомольские работники, писатели, критики, красноармейцы и ударники, призванные в литературу.

Билеты в МАПП, в райбюро, в кабинете ударника МАПП.

13 февраля — в доме АХР (Волхонка, 8)—слет рабочих-художников и творческий смотр их работ. Доклад о задачах рабочего-художника сделает ответственный секретарь РАПХ т. Осипов.

14 февраля — 18 ч. — в конференц-зале Дома Герцена — общее собрание цехпрофячейки [illegible].

15 февраля — 19 ч. — в Большом зале Коммакадемии (Волхонка, 14) — доклад т. С. Новицкого на тему: «Борьба за диалектико-материалистический метод театра».

ПОПРАВКА

В № 6 от 4/II—32 г. «ЛГ», в статье «Итоги критического совещания РАПП» (2 кол. [illegible] абзац) следует читать: «...либо четкого классового анализа того или иного литературного явления и иных случаях».

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж. Телефоны: Секретариат 2-80-12. Отв. редактор 78-47.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА: Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—3 р. 60 к.
На 6 м.—1 р. 80 к.
На 3 м.— — 90 к.

ТЕАТР ИМЕНИ ВАХТАНГОВА
«ПЯТЫЙ ГОРИЗОНТ» П. МАРКИША

Пятый горизонт—это поэтическая формула революционной борьбы. Символ идейного преодоления, экстаза, опьянения, «бытия», «строительных судеб», «каждодневной борьбы», «четырех горизонтов». Борьба за уголь, тяжелый труд в забоях, жестокие, временами, лишения, преодоление невзгод, полная отдача себя делу во имя высоких идей человечества. Во имя социализма. Промфинплан—не только производственная задача. Промфинплан—воодушевляющая романтика борьбы. Пятый горизонт.

«Пятый горизонт». Прекрасно сказано. Но если пятый горизонт уплывает в небо? Оторвется от своего, так сказать, базиса, не превратится ли он в отвлеченный романтический жест, в красноречивый монолог вообще?

«Пятый горизонт» у Маркиша—разгул страстей, оргия чувства, неистовая игра темпераментов, пламенных монологов, жарких метафор и символов, патетическая речь, захлебывающаяся, доходящая порой до крика, готовая вот-вот сорваться. Есть ли это стиль Донбасса? Или стиль Магнитогорска, или стиль Турксиба? «Стиль в работе—соединение русского революционного размаха с американской деловитостью».

Есть ли этот стиль в маркишевском Донбассе? Шура говорит о звездах, Шевченко о Кремле, Сабитов об Анатолии, [illegible] о черных комсомолках. Но в этом ли «смысл философии всей»? Стихийное и плановое начало—как единство. Энтузиазм и цифра—как целое. Этого единства Маркиш не показал.

Сплошное увлечение стихийничеством, оно определило идейные и драматургические пороки «Пятого горизонта». Сказать об идеях. Они смутны, прежде всего для самого автора, они хаотичны, очень неотчетливо проступают контуры его замыслов. Очевидно, основная ситуация пьесы—это тема Сабитова, Шуры, Знобова. Сабитов—старый неграмотный, темный шахтер, который «к Ленину» хочет «идти в Ленинград», мучительно думающий, еще более мучительно умеющий выразить мысль. И все же у него, Сабитова, бьется творческая мысль, именно он нащупывает верный путь к открытию антрацитового пласта вопреки сложным взглядам крупных специалистов. Маркиш дает здесь много очень тонких деталей—сцену, где Сабитов требует у жены галстук и манишку, чтобы пойти в управление, [illegible]. Заведующий шахтой Знобов верит только плану специалистов, готов поэтому плану с энтузиазмом прорыть весь Донбасс и не видит, не желает и не умеет видеть творческих идей Сабитова, простого шахтера. Шура, партийка, молодой инженер из шахтеров—она видит то, чего не видит Знобов, она не преклоняется перед мудростью специалистов, поддерживает Сабитова, помогает ему найти антрацитовый пласт.

Сама по себе интересная и глубокая концепция эта почти потонула в пламенной буре красноречия. Маркиш дает очень колоритную, сильную, могучую, бурлящую подспудными течениями фигуру старика Сабитова. Но не только эта стихийная колоритность нужна здесь. Важно увидеть, вскрыть, раскрыть творческую лабораторию Сабитова, этот зигзагообразный путь исканий, окольные дорожки, неожиданное открытие и мучительное нытье сомнений, искания, затрудняемые безграмотностью и темнотой. С этой стороны Сабитов не показан даже в намеке. А намек нужен прежде всего Шуре, которая, как инженер, и работница сумела бы угадать мысль Сабитова сквозь всю его нечленораздельность и сумбурность. Может быть, Маркиш хотел сказать, что Шура еще не знает, но смутно чувствует правду Сабитова, догадывается, классовым чутьем, интуицией, что ли. Но эти сложные движения, эти тонкие нити и следовало обнаружить, не заменять их монологом об антрацитах.

Нет намека, и это естественно «смягчает вину» Знобова, который ведь действует по «плану крупных специалистов», да еще «составленному в 12 голов», да еще «несколько раз проверенному Москвой и Харьковом». Поэтому когда Знобов требует дать ему хорошего инженера, это не звучит так уж неверно. Более неверно звучит обоснование этого требования Знобова. Поэтому в пьесе нет-нет, а проскальзывает некоторое недоверие к старым специалистам вообще. Знобов не верит в творческие возможности Сабитовых. Правильно, за это следует его бить. Но в чем та грань, то качество, тот социальный, классовый конфликт знобовской идеологии, который делает его слепым к Сабитовым? Раскрыто ли это качество? Не скажем.

Почему Шура «угадала» Сабитова. Очевидно, только потому, что она вообще любит рабочих, шахтеров, Донбасс, забои, Красную площадь, Москву, звезды. Но одних звезд мало, тем более, что они поразительно «интеллигентны», эти Шурины звезды. Одного энтузиазма—искусства как искусства—недостаточно. Шура не убеждает ни как инженерка, ни как шахтерка. Восторженная, романтическая интеллигентка! Случается, что автор порой ее глазами смотрит на Донбасс. Случается, что в Шуре персонифицируется порой формула пятого горизонта.

Для раскрытия всех связей, противоречий, опосредствований в отношениях Сабитова, Знобова и Шуры должно было быть больше анализа, мысли, познавательного элемента. Но Маркиш настолько любит своих героев, что не успевает познакомиться с ними как следует, торопясь их воспеть. Всегда ли такая песня может «глаголом жечь сердца людей»?

Вообще и Сабитов, и Шура, и Лебедев, и Бунов, и Шапиро, и Коновалов, и Лаутина, и Шевченко—все они поразительно похожи друг на друга, все они тождественны друг другу, все они составляют одно лицо, и это лицо — поэт Перец Маркиш. Это он говорит за своих героев, за них жестикулирует, за них волнуется, за них радуется.

Вся пьеса—ряд порой сильных поэтических отрывков, стихотворений в прозе, небольших поэм, лирических отступлений. Драматургический строй пьесы—тоже стихиен, в нем нет единства действия, организующего начала. Пьеса распадается на ряд замкнутых в себе самостоятельных планов. Есть план: Коновалов—Вейгерман, есть план: Сабитов—Шура. О пьесе говорят, что в ней мало действия и много разговора. Но может быть, много действия, движения, даже всевозможных прыжков — и спектакль будет мертвым. Наоборот, в разговорах, в длительном диалоге может быть скрыто огромное напряжение, динамика, борьба мыслей, столкновение идей. Диалоги у Маркиша монологичны. Это не столкновения мыслей, а мирное соседство. Не борьба, а сосуществование. Диалог Знобова и Шуры—два монолога. Диалог Коновалова и Лаутиной—это монолог Лаутиной, только для «оживления», прерываемый репликами: «Почему Лаутина», «Не тяжело ли Лаутиной», «Правильно Лаутина». Диалог Коновалова и Зейгермана — монолог Коновалова, «оживляемый» холостыми репликами Зейгермана. Образы раскрываются не в движении, а статично.

Но дело не только в монологах. Шиллеровские герои (мы не имеем здесь в виду, конечно, аналогий с маркишевскими героями) беспрерывно красноречивы. «Разбойники»—собрание монологов. Но в шиллеровской пьесе есть напряженная драматическая пружина, есть события, которые толкают, двигают, ускоряют стремительные шаги Карла Моора, есть коллизии и столкновения. Коновалов—шахтер, романтик старого Донбасса, желающий, как дед и прадед, рубать обушком, а не машиной. Коновалов приходит в конце-концов к машине, примиряется с ней. Это крах старого Донбасса. Но где коллизия, где та [illegible] событий, которые привели к капитуляции Коновалова? Цыганка, [illegible], превращается в бойкую комсомолку—драматическое строение, по которым она постепенно отступает от самой себя, [illegible]. Сабитов, ищущий пласт, [illegible], идущий на верный путь, [illegible] в сторону—какое богатство драматических переживаний. Вместо них—общие [illegible] Сабитова на тему об антрацитовом пласте. Очень характерна в этом смысле первая майская сцена. [illegible] какой-то этап, разрешение трудных задач, праздник достижения. Таким разрешением [illegible] должна быть первая сцена в пьесе. Но у Маркиша это простое зрелище, с красными флагами, маршами и лозунгами. Сцена не разрешает и не двигает. Простая иллюстрация. Появление Гулак-Белы на Шапиро не вызывает ни ненависти к Гуляку, ни горечи за Шапиро. Простая иллюстрация такого рода явлений. [illegible] пьесе. Не действует, а представляет [illegible]. Нет драматического [illegible], есть простая вставка.

В самом строе пьесы пятый горизонт [illegible] от [illegible] «четырех горизонтов — драматургического плана». «Цифры» здесь тоже [illegible]. Очень показателен в этом смысле старик-еврей Бройдо, пожалуй, один из самых запоминающихся образов пьесы. У старика во время катастрофы на шахте убит сын. Он хочет увезти тело к себе на родину. Он просит Знобова дать ему лошадь отвезти труп на станцию. «Четыре версты» — беззвучно умоляет Бройдо. Знобов красноречиво отказывает: лошади заняты, сына похороним здесь, по-пролетарски, на шахтерском кладбище. На все речи Знобова Бройдо отвечает одной фразой—горе сделало его скупым на слова—«Четыре версты». Этот старик еврей со своими «Четыре версты» более убедителен, более располагает к себе, чем Знобов, который много говорит, много потому, что неубедителен, и чем больше говорит, тем неубедительнее. Много холода в речи Знобова, ни капли задушевности. Маркиш хотел здесь противопоставить старый и новый мир, но новый мир защищается им с явно невыгодной позиции, хотя бы потому, что желание старика похоронить сына у себя на родине, около себя, не такое уже... преступление. Вряд ли новому миру следует на этом «настаивать». Это очень характерный штришок, мы его нарочно привели, он показывает, как легко соскользнуть в отвлеченную риторику и ложный пафос, когда кругозор ограничивается только пятым горизонтом.

И все-таки в итоге, несмотря на все срывы, Маркиш, несомненно, пытался брать в своей пьесе какие-то большие высоты. Не путь натуралистического пересказывания событий. Не путь голых публицистических сентенций. Путь того героического пафоса, с которым идет на штурм пролетарский Донбасс. Пафос этот Маркиш передает часто риторично. Мелкобуржуазное, попутническое происхождение риторики обязывает Маркиша для своего дальнейшего роста.

Для актерского исполнения «Пятый горизонт» ставит большие, подчас неустранимые трудности. Театр избежал декламации, напыщенности, в которые он мог впасть. Однако, например, сцена в конторе, да не только эта сцена, идет на одной одинаково высокой ноте, на крике, почти на крикливости. Театр мог бы пойти здесь по линии большей дифференциации, большего количества интонаций, которые бы выдвинули вперед смысл речей и монологов. Режиссер, Телегин, и особенно художник пытались преодолеть ту разорванность пьесы, о которой мы уже говорили. Тема конструкции Исаака Рабиновича — «черный янтарь», песня об угле. Это далеко не те мрачные подземелья, которые строят порой на наших сценах. Художник как бы смотрел на шахту глазами Коновалова, влюбленными в уголь, в материал, в его секреты. Конструкция самостоятельно агитирует за уголь, за труд в забоях, зовет на помощь Сабитову, Коновалову.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" 12 №№ в год
На 12 мес.—9 р. 60 к., 6 мес.—4 р. 80 к., 3 мес.—2 р. 40 к.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „НЬЮ-ЙОРК"
ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
По желанию полисодержателей 75% следуемой им суммы будут оплачены ордерами ТОРГСИНА. Прием новых полисов производится до 1 апреля 1932 г. в А/О Кредит-Бюро помещ. Госбанка, Неглинная, 12, ежедневно. Главный почтамт, почтовый ящик № 863 и конторами, отделениями и агентствами Госбанка и сберкассами по всему СССР.
Кроме того А/О Кредит-Бюро ведет наследственные и претензионные дела советских граждан во всех странах мира.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
Постановлением СНК от 16/VIII—1930 года все дело распространения, экспедирования и доставки печати СОСРЕДОТОЧЕНО НА ПОЧТЕ
Жургазоб'единение непосредственно подписки не принимает, никакой ответственности перед подписчиками за экспедирование и доставку не несет и в переписку по этим вопросам не вступает.

НЕОБХОДИМО КЛУБАМ, КИНОТЕАТРАМ, БИБЛИОТЕКАМ, ЧИТАЛЬНЯМ
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КИНОФИЛЬМ
1931 года с отзывом Главреперткома и рабочей общественности о каждой кинофильме дает КАРТОТЕКА КИНОФИЛЬМ, выпускаемая с-вом «За пролетарское кино и фото» (ОЗПКФ). Комплект 250 аннотаций стоит 12 р. 50 к.
Высылка картотеки производится по получении полной стоимости комплекта Жургазет. об'единением Москва, 6, Страстн. бульв. 11.

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ НЕОБХОДИМ ЖУРНАЛИСТ —
Ежедневный журнал теории и практики большевистской печати.
[illegible]
Продолжается прием подписки на 1932 г. с текущего месяца.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: [illegible]
Подписку сдавайте местной почте и письмоносцам или непосредственно в ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕД.

БОРОТЬСЯ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО ФОТО ДВИЖЕНИЯ
МАССОВАЯ ЕЖЕДЕКАДНАЯ РАБКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА
„ФОТОКОР"
(Орган Союзфото и ОЗПКФ)
За боевое участие фотокоров в строительстве социализма
За вооружение фотоаппаратом передовых рабочих
Продолжается прием подписки на 1932 г. с текущего месяца на газету „ФОТОКОР"
Приложение: Библиотека Фотокора (3 книжки в месяц)
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
Газ. «Фотокор»—12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 к.
Газета «Фотокор» с прил. Библиот. «Фотокора»: 12 м.—10 р., 6 м.—5 р., 3 мес.—2 руб. 50 коп.
Подписку сдавайте местной почте или письмоносцам.
Журнально-газетное об'единение.

Уполном. Главлита В—[illegible].
Интернациональная (89) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.